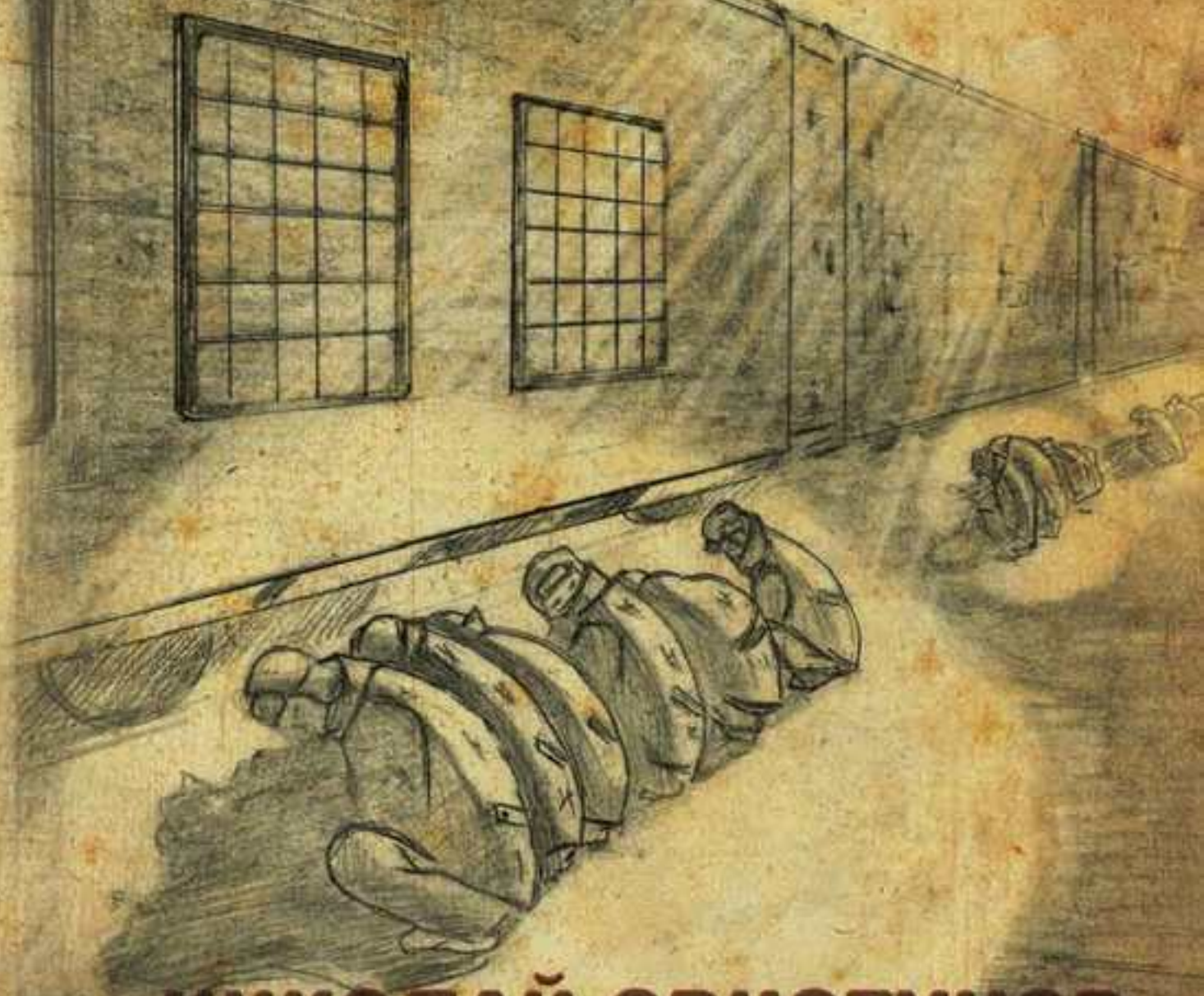

СТОЛЫПИНСКИЙ ВАГОН

НИКОЛАЙ СВИСТУНОВ

Николай Свистунов

**Столыпинский вагон, или
Тюремные приключения мэра**

«ИП Князев»

Свистунов Н. Ю.

Столыпинский вагон, или Тюремные приключения мэра /
Н. Ю. Свистунов — «ИП Князев»,

«...Для начала хочу представиться. Я бывший мэр города Волжск, Республика Марий Эл. Горожане дважды доверяли мне руководить Волжском: сначала на выборах 1996 года, потом 2000-го. Всего я возглавлял администрацию города почти восемь лет, до августа 2003 года. Трижды избирался депутатом Государственного собрания Республики Марий Эл, состоял в списках республиканского парламента с 1992 по 2004 год. Четыре раза избирался депутатом Волжского городского собрания, дважды был его председателем. В 2003 году я был осужден Волжским городским судом..... Верховный суд Республики Марий Эл по совокупности дал мне восемь с половиной лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Своей вины я не признал. Считаю и считаю уголовное преследование незаконным и политически мотивированным...»

© Свистунов Н. Ю.

© ИП Князев

Содержание

Дорогой читатель!	5
Книга первая	8
Президент № 1	11
Лектор	15
Суверенитет	31
Выборы	35
Бог любит троицу	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николай Юрьевич Свистунов

Столыпинский вагон, или Тюремные приключения мэра

*Горячая струя крепкого чая заполнила кружку.
Чуть поколебавшись, вода притихла в ровную темную гладь.
Каждая частица природы знает свое место.
Только человек пытается преодолеть непреодолимое...*

Дорогой читатель!

Для начала хочу представиться. Я бывший мэр города Волжск, Республика Марий Эл.

Горожане дважды доверяли мне руководить Волжском: сначала на выборах 1996 года, потом 2000-го. Всего я возглавлял администрацию города почти восемь лет, до августа 2003 года. Трижды избирался депутатом Государственного собрания Республики Марий Эл, состоял в списках республиканского парламента с 1992 по 2004 год. Четыре раза избирался депутатом Волжского городского собрания, дважды был его председателем.

В 2003 году я был осужден Волжским городским судом по статье 160 части 3 УК РФ (хищение бюджетных средств) на четыре года лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Но моим недругам такое наказание показалось недостаточным, и в 2005 году против меня было возбуждено уголовное дело по статье 290 части 3 (дача взятки должностному лицу местного самоуправления). Верховный суд Республики Марий Эл по совокупности дал мне восемь с половиной лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Своей вины я не признал. Считал и считаю уголовное преследование незаконным и политически мотивированным.

Оглядываясь назад, я понимаю, что в какой-то момент переоценил свои силы и совершил несколько серьезных ошибок.

Во-первых, мне казалось, что должность мэра и депутата вкупе с некоторой популярностью среди населения Марий Эл (а по всем опросам начала текущего века я имел в республике второй рейтинг после главы) дают основания рассчитывать на сохранение политической самостоятельности. Оказалось, что я глубоко заблуждался. Народу на меня наплевать, а независимость в России – это о-о-очень дорогое удовольствие.

Во-вторых, я по своей наивности (встречается такой недуг у провинциальных чиновников) поверил новому президенту России В. В. Путину. Мне казалось, что с его приходом в стране, пронизанной коррупцией, наконец-то начнут наводить порядок. Не секрет, что главы регионов давно превратились на своих территориях в крупнейших бизнесменов. Через родственников и подставных лиц они контролируют основные финансовые потоки, не отказывая себе практически ни в каких желаниях.

Когда глава Марий Эл начал операцию по рейдерскому захвату градообразующего предприятия Волжска, я поставил в известность центр. Слова Путина о диктатуре закона крепко сидели в голове. Я надеялся получить из Кремля, по крайней мере, моральную поддержку. Но вместо этого Кремль передал мое обращение главе республики. То есть тому, кто и творил беззаконие. Чтобы он на месте разобрался с жалобщиком. Ровно с этого момента из мэра и уважаемого человека я превратился в оппозиционера и врага народа.

А оппозиция – это в России практически приговор.

Как оказалось впоследствии, я очень заблуждался по поводу нынешней власти. За лояльность и преданность она готова простить любые преступления. Вору, делись и молчи – вот секрет политического выживания в современной России. Это не голословное утверждение очернителя, а вывод, подтвержденный фактами собственной биографии.

К несчастью я оказался одним из первых, на ком власть отработывала технологию устранения неугодных политиков методом уголовного преследования.

Меня арестовали на несколько месяцев раньше, чем Михаила Ходорковского.

Спокойно, читатель. Никакой мании величия у меня нет. Я прекрасно сознаю, что калибр фигур несопоставим. О чем говорить: где я, а где Ходорковский! Но методы ведения следствия, приемы давления на свидетелей и судей – все это очень похоже. Смешно, но в речи прокурора на процессе по делу ЮКОСа я слышал до боли знакомые обороты из собственного приговора. Потрясающе! За сотни километров друг от друга совершенно незнакомые между собой люди, осужденные по разным статьям уголовного кодекса, получили одинаковый срок. В моем приговоре и приговоре Ходорковского сходятся целые абзацы. Судьи из разных уголков страны словно сговорились или рассылали друг другу тексты приговоров по факсу.

Я был достаточно осведомлен о методах ведения следствия по моему делу. Знал, как натягивают факты, как добывают нужные свидетельские показания, как преследуют тех, кто отказывался идти на сделку с совестью. Все это я знал, но не в моих силах было остановить государственную машину по уничтожению несогласных.

Зато никто не может помешать мне в борьбе за свое достоинство честно рассказать обо всех произошедших со мной событиях. Я назову их приключениями. Немало времени провел я за колючей проволокой, но в моей душе нет ни ненависти, ни жажды мести, ни отчаяния.

Годы в неволе не вычеркнуты из жизни. Я изо всех сил старался остаться человеком не опуститься в ту моральную клоаку, куда пыталась меня загнать карательная система. В тесных камерах, задымленных бараках я занимался физкультурой, писал книги, рисовал карандашом и маслом, а через несколько лет пришел к вере в Бога и занялся иконописью. Нет худа без добра!

Итак, читатель, перед тобой мой литературный продукт, который был создан в местах лишения свободы. Он состоит из трех книг.

Книга «Три вечера у камина» представляет собой автобиографию. Однажды, лежа на нарах, я поймал себя на мысли, что факты моей жизни так или иначе переплетены с судьбами трех президентов Республики Марий Эл. И мне показалось, что жизнеописание на фоне эпохи, пусть и субъективное, может быть интересно окружающим.

Вторая книга – «Дневник заключенного». Почти год, пока шли следствие и суд, я провел в СИЗО, где вел записи. То было очень насыщенное для меня время: борьба против незаконного ареста, выборы в Государственную думу, знакомство с новым, уголовным, миром. Все эти события – на страницах дневника, начатого летом 2003 года.

Третья книга – «По ту сторону свободы». Она была написана в первый год моего пребывания в колонии. За колючей проволокой я встретил совершенно разных людей. Профессиональных, убежденных экзков и тех, кто совершил преступление случайно, по житейской неопытности. Попадались и такие, кого за решетку упрятали незаконно. По тюремным меркам я был политическим узником, и экзи специально искали возможности познакомиться со мной, поговорить. Им было интересно выслушать мою историю и рассказать о своей. Наиболее интересные рассказы я начал записывать, они и составили основу этой книги. Она, кстати, была издана отдельно, тиражом в тысячу экземпляров, и быстро разошлась в Марий Эл.

Дорогой читатель, я надеюсь, что ты простишь несовершенства моих опусов. Все-таки они создавались в не очень комфортных условиях. Да и я не профессиональный писатель. Не стреляйте в пианиста: он играет как умеет.

В своих книгах я попытался спокойно и честно посмотреть на свою жизнь и жизнь окружающих меня людей. Я описал события так, как они запомнились мне.

Не суди меня строго, читатель. Возможно, мои воспоминания субъективны, но я живой человек. Уверен, время все расставит по своим местам.

Книга первая

Три вечера у камина

Провинция! Вам неинтересно? А мы так живем.

Для начала я немного расскажу о своей малой родине. Кратко обрисую структуру власти в Марий Эл, потому что без этого понять дальнейший рассказ будет трудно, особенно тому, кто живет не в республике.

Марий Эл – это среднее Поволжье. На северо-востоке республика граничит с Кировской областью, на юго-востоке – с Республикой Татарстан, на юго-западе – с Чувашской Республикой, на западе – с Нижегородской областью.

Республика Марий Эл состоит из 17 административных единиц. Городов всего четыре.

Йошкар-Ола, столица, население (здесь и далее на 1 января 2012 года) 252 935 человек. Действительно центр республики. И географический, и финансовый, и образовательный. Жители республики, за исключением разве что жителей Волжска, Йошкар-Олу называют просто «город».

В то же время Йошкар-Ола – тупик: здесь заканчивается железная дорога.

Как и всякая столица, Йошкар-Ола живет за счет районов: в смысле и продовольствия, и людских ресурсов. За десять последних лет только в столице республики отмечен прирост населения (небольшой, но все-таки). Во всех остальных городах и районах население быстро убывает. По данным Росстата, в 2013 году в Марий Эл проживало 690 тысяч человек, тогда как в 2000 году было 743 тысячи.

Город Волжск. Население составляет 54 889 человек (в декабре 1996 года, когда я был избран мэром, в городе проживало 62 500 человек). Это юго-восток республики, самая граница с Татарстаном. До Казани пятьдесят километров, до Йошкар-Олы – в два раза больше. Удобное месторасположение: узловая станция Зеленый Дол и железнодорожный мост через Волгу. Поезд «Марий Эл» идет до Москвы 12 часов.

Город Звенигово, районный центр. Население составляет 11 848 человек. Город районного подчинения без своего бюджета. Географически тоже находится на Волге, чуть выше Волжска, имеет свой порт и судостроительный завод. Жители Волжска и Звенигова считают себя настоящими волгярами и гордятся этим. Волга в тех местах широкая, глубокая, с заливами и островами, с великолепными видами и прекрасной рыбалкой.

Город Козьмодемьянск. Населения составляет 21 190 человек. Как и Йошкар-Ола с Волжском, муниципальное образование не имеет сельхозугодий, сел и деревень

– чистый город. Основан в 1583 году – раньше всех среди нынешних городов республики. По преданию, во время похода на Казань Иван Грозный велел поставить на высоком правом берегу Волги свой форпост, сторожевую крепость, которую называли в честь святых Кузьмы и Демьяна. Город с богатой историей, до 1917 года крупнейший в Марийском крае. Существует версия, что образ Васюков, всемирной шахматной столицы из романа «12 стульев», Ильф и Петров писали именно с Козьмодемьянска. До сих пор горожанам служит длинная деревянная лестница, по которой после знаменитого сеанса одновременной игры убегал от разгневанных васюкинцев Остап Бендер.

В Марий Эл четырнадцать районов. Почти все они похожи друг на друга, в первую очередь своими проблемами. Деревни вымирают. В связи с повальным воровством (местные алкоголики наловчились срезать со столбов электропередач провода и сдавать их в металлолом) жители в глубинке годами живут без света, телевизоров, холодильников. По этой же причине в деревнях кануло в лету проводное радио. Во время войны радио было, а сейчас нет. О былых

посевных площадях не приходится и говорить. Каждый год посевной клин уменьшается. Если раньше марийцы корчевали лес, чтобы засеять новые площади под сельхозкультуры, то теперь распаханые поля зарастают березками и сосенками, под которыми по осени собирают отличные маслята. Колхозы поголовно банкроты: техники нет, горючего нет, удобрений нет. Есть только самогон, дешевый спирт и жидкость для очистки ванн «Трояр». Народ в деревне пьет все, что горит, зачастую погибая от отравления.

Самый бедный район – Юринский. В нем проживает всего двенадцать тысяч человек, из которых восемь тысяч пенсионеры. А самый богатый – Медведевский район, который со всех сторон окружает столицу республики и процентов на восемьдесят обеспечивает ее сельхозпродукцией. Проживает здесь порядка пятидесяти тысяч человек.

Мрачно? Наверное. Но что делать – это правда. По-моему, провинция примерно одинаково живет по всей России. Есть природные богатства – люди себя прокормят, нет – бедствуют.

Говорят, что каждый народ достоин своего правителя. В Марий Эл сменилось три президента (республика как национальный субъект России имеет свою конституцию и институт президентства). Несмотря на наличие формальных механизмов демократии, население оторвано от управления республикой и чаще всего не понимает, почему принимается то или иное решение (наверное, как и по всей стране). Казалось бы, процедура всенародного голосования должна привести к власти наиболее честных и порядочных людей. Но в жизни все происходит наоборот. Наглому и циничному политику стократ легче выиграть выборы или за взятку получить высокую должность. Отсутствие вертикальных социальных и карьерных лифтов отбило у молодых и перспективных политиков охоту идти во власть. Самой власти, в свою очередь, тоже не нужны честные и принципиальные профессионалы. Ведь они будут отстаивать свое мнение, которое у людей такого рода присутствует в обязательном порядке. Высокому начальнику проще приблизить человека порочного, еще лучше с уголовным прошлым. Поставить папочку в сейф и погрозить пальчиком: «Делай, как скажут. А не будешь слушаться – сядешь за решетку».

Страдают от этого все: государство, общество, конкретные люди. Сколько времени прошло с распада СССР? Новому Российскому государству чуть больше двадцати лет, а только ленивый не говорит о том, что страна погрязла в коррупции. Все меньше граждан хотят жить на родине, создавать большую семью, воспитывать детей, честно работать.

А народ безмолвствует, поскольку исторически не приучен защищать свои права. У россиян, сотни лет живших общиной, не имевших частной собственности, выработался стойкий позыв боготворить власть. Любая власть от бога, говорит нам христианство. Сначала поклонялись царям. Потом, сменив лики святых на портреты пролетарских вождей, начали молиться на лидеров партии. Так и въелось в кожу, вошло с молоком матери: любая власть от бога. Страной управляют небожители. Кто бы они ни были, какой бы веры ни придерживались и какую бы идеологию ни проповедовали, надо подчиняться им и ждать от них лучшей жизни.

Наверное, только в России люди доходят до полного маразма, когда по всякому поводу пишут в Москву, в Кремль. Начальник плохой, пенсия маленькая, квартиры нет, кран течет... Разве можно представить, чтобы житель условного Роттердама отправлял жалобу премьер-министру Нидерландов о том, что у него прохудилась крыша? В гражданском обществе существуют самостоятельные ветви власти (законодательная, исполнительная, судебная), независимая пресса и конкуренция в политике. Сбалансированное таким образом общество давно научилось разрешать свои проблемы с помощью разумных законов и независимых судов.

Привычка боготворить любого мерзавца просто потому, что он у власти, делает наше общество слабым и неустойчивым. И разрушает саму власть. Ведь отсутствие общественного контроля в виде независимого суда и прессы, проистекающая отсюда безответственность в

короткое время превращают любого чиновника, даже самого честного, в местного царька, которому все нипочем.

Президентов и депутатов мы избираем для того, чтобы они обслуживали нас. А они, как всегда, обслуживают себя. Известное дело, что о благе народа в высших эшелонах думать не принято. Дорвались до власти, как свиньи до кормушки. Все, что вокруг: леса, поля, дороги, заводы, нефть, газ – все принадлежат им. Народ терпит, ждет, что у людей во власти проснется совесть. А зря. Ничего-то у них не проснется. Мы должны раз и навсегда понять одну простую вещь. Страной управляют не небожители и не святые, а обыкновенные люди, которые, работая во власти, должны что-то сделать и для народа.

Сильные мира сего взяли на себя смелость решать наши судьбы и, возможно, судьбы наших детей. Хорошо бы приучить их к тому, что за все когда-то придется отвечать. Если не перед людьми и судом, так хотя бы перед богом.

«Три вечера у камина» – это неспешный рассказ о трех президентах Марий Эл, с которыми мне довелось быть знакомым. Устраивайся поудобней, читатель. Я постараюсь рассказать тебе кое-что интересное. Предлагаю сразу спланировать время: по вечеру – на президента.

Президент № 1

Владислав Максимович ЗОТИН

История...

Понимаешь, дорогой читатель: мы с тобой уже история! Мелькнула секунда, стукнул маятник, прошел час. А вот и день незаметно уходит за горизонт, уступая место сумеркам. Глядишь, неделя прошла, месяц, год. Да что год! Жизнь прошла, промелькнула, словно ее и не было. Жаль, а что делать. В пролетевшей, как скорый поезд, жизни мало чего успел сделать. А хотел успеть? А понимал, что не успеваешь? Вряд ли. Человек так устроен. Он редко живет будущим. Чаще настоящим, сегодняшним днем.

Я еще достаточно молод и хочу сказать времени: стоп. На планете живет много разного народа. Каждый человек творит свою маленькую историю, из которых складывается одна большая история. И, может быть, кто-нибудь когда-нибудь где-нибудь научится наконец извлекать уроки из того, что уже однажды случилось с другими.

Своим рождением я обязан двум несчастьям. Первое – это кампания раскулачивания, которая началась в стране Советов в тридцатые годы прошлого века.

Мои предки по линии отца жили в городе Вязники, что на реке Клязьма. До 1917 года Вязники входили в состав Владимирской губернии. Отец рассказывал, что большая семья Свистуновых не бедствовала. Один из братьев моего деда держал мельницу на Клязьме, другой был начальником пристани. А их отец, мой прадед, выкупив у российского государства патент, торговал водкой. В городе у него стоял двухэтажный дом. На первом этаже (сложенном из красного кирпича) у прадеда был магазин, а на втором (деревянном) он жил со своей семьей.

11 октября 1931 года приказал долго жить нэп, новая экономическая политика. В этот день было опубликовано «Постановление о полном запрете частной торговли в СССР». Страна взяла курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Коммерсанты в одиночку превратились во врагов социализма, а дух предпринимательства большевики принялись выжигать каленым железом.

Спасаясь от начинавшихся репрессий, мои предки решили затеряться на просторах страны. Собрали пожитки и поднялись с насиженных мест. Не знаю уж, по какой причине, но их выбор пал на поселок Лопатино, неприметное место Среднего Поволжья.

В мае 1934 года здесь развернулось строительство целлюлозно-бумажного комбината. Растущей социалистической индустрии была необходима техническая бумага. Леса, то есть сырьё, в тех краях было предостаточно. Плюс транспортные артерии – Волга и в десяти километрах железнодорожный мост через великую реку. Иосиф Виссарионович ткнул пальцем в карту и сказал: «Здесь, в марийских лесах, на берегу Волги, будет построен комбинат». И следом по стране Советов загремел клич: «Все на стройку бумажного гиганта!».

Вот на этот призыв и откликнулись мои предки. Люди они были хваткие и умелые. Уже вскоре на Шанхае (так назывались трущобы, из которых в будущем вырос город) они поставили пятистенки, рубленый дом. Таких основательных строений во всем Шанхае было только два – Свистуновых да Козловых. Остальной народ ютился в землянках и бараках.

Соседями Свистуновых оказалась семья Кокуриных, из которой происходила моя мать. Их в Лопатино тоже привело несчастье: половина деревни Клянчино Верхнеуслонского района Татарии, что за Волгой, в одночасье сгорела. Собрав то, что осталось после пожара, семья моей матери поехала прочь от пепелища в поисках новой жизни. На стройку Марийского целлюлозно-бумажного комбината брали всех желающих.

Таким образом, мои предки, как принято говорить, стояли у истоков города.

В 1937 году небезызвестный Николай Иванович Ежов был награжден орденом Ленина. Это известие, как писала официальная пресса, с энтузиазмом восприняли в поселке Лопатино. 23 июля коллектив рабочих, служащих и инженерно-технических персонала МЦБК на цеховых собраниях, в которых принял участие 2661 человек, вынес единодушное решение о переименовании рабочего поселка Лопатино в город Ежов. 11 августа 1938 года Марийский обком ВКП(б) и Президиум Верховного Совета МАССР отправили в ЦК партии и Президиум Верховного Совета РСФСР докладную записку о переименовании поселка Лопатино в поселок Ежово с подробным описанием причин такого шага. «Железный» нарком Николай Ежов на заре своей партийной биографии, в 1922 году, работал в Марийской автономии первым секретарем обкома. Однако Сталин инициативу строителей комбината не поддержал. Видимо, он просто чуть больше знал. Вскоре Ежов был арестован и расстрелян.

Ну а рабочий поселок Лопатино все же получил новое имя. Указом Президиума Верховного Совета Марийской АССР от 14 марта 1940 года он был переименован в город Волжск – по имени Волги-матушки. 6 июля это решение было подтверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР. Население поселка к тому времени уже превысило 40 тысяч человек.

И немудрено: 5 декабря 1938 года были выработаны первые тонны целлюлозно-бумажной продукции. На полную мощность новый гигант советской индустрии заработал перед самой войной.

Война все смешала. Два моих деда погибли на фронте. А соседи, Свистуновы и Кокурины, породнились. Мои мать и отец работали на комбинате. Жизнь была трудная. Спасал частный дом, большой огород, живность и трудолюбие.

Сам я звезд с неба не хватал. Окончив школу с похвальной грамотой, поступил в Марийский целлюлозно-бумажный техникум. Семья большая, об институте думать не приходилось, а в техникуме стипендия тридцать рублей, да и специальность подходящая – электрик: кусок хлеба на всю жизнь.

В техникуме со мной произошел один интересный случай. Я учился на втором курсе, вечерами занимался художественной самодеятельностью и фотографией. Однажды в фотолaborаторию зашел мой друг и вдруг ни с того ни с сего заявил: «Коля, а ты знаешь, что в городе Волжске тебе будет стоять памятник?». Я засмеялся. Ну какой памятник! Кто я? Простой парнишка с окраины. Отец через день пьяный, мать вечно на работе. Смешно слушать. Посмеялись и забыли.

Почти в двадцать лет меня призвали в армию. Служил на Украине: Львов, Винница, Николаев. Решил там и остаться. В то время шла активная вербовка здоровых парней на шахты Донбасса. Знаменитое поколение шахтеров послевоенных лет уходило на пенсию. Звучный лозунг «Донбасс задыхается без молодых людей» вкупе с заманчивыми финансовыми предложениями делал свое дело. Заявленные условия: одновременные подъемные в тысячу рублей, средняя зарплата в пятьсот рублей, квартира женатым и т. д. – в 1979 году были сказкой. В Волжске, как и во всей Марийской республике, такой зарплаты не выдывали отродясь. Вербовщики ездили по армейским частям и заманивали дембелей посулами. А меня и не надо было особо агитировать – я и сам, как говорится, обманываться был рад. После демобилизации заключил трехлетний контракт на работу в шахтах Донбасса.

За полгода выучился на горнорабочего очистного забоя и три года отработал под землей, на добычном участке № 11. Добывал для страны «черное золото». Шахта имени Стаханова, что в городе Димитров Донецкой области, считалась одной из трех наиболее глубоких в Европе. Добыча велась на глубине более 1000 метров. Мой рекорд – 1100 метров. Как было обещано в контракте, через полгода там, в Димитрове, я получил однокомнатную квартиру. В 1981 году на донецкой земле у меня родилась дочь.

Не знаю, как сложилась бы моя судьба, но опыт работы в шахтерском коллективе, где любой каждую секунду рискует жизнью, дал мне огромный жизненный опыт. Можно сказать, шахтеры сделали из молодого парня настоящего бойца.

Через три года у меня закончился контракт. Не раздумывая, я вернулся в родной город. Квартиру в Димитрове обменял на квартиру в Волжске. На следующий год поступил на вечернее отделение Волжского филиала Марийского политехнического института. Учеба требовала времени, и я много раз менял место работы. В 1983 году познакомился со Станиславом Васильевичем Демковичем, который привез в нашу республику борьбу дзюдо. Он предложил мне попробовать себя тренером. Это было как раз то, что нужно. Тренерская работа начиналась с пяти часов вечера, в дневное время я был свободен, что давало мне возможность успешно учиться в институте. Выбранная специальность – инженер-механик – была непростой: сложные предметы, много чертежей, полуторамесячные сессии. Но управляться с учебой у меня получалось на удивление легко и естественно.

После окончания института я вдруг почувствовал, что тренировать детей в школе дзюдо мне уже неинтересно. Два моих ученика достигли высоких результатов.

Сергей Игнатьев стал многократным чемпионом России, двукратным бронзовым призером Кубка мира, получил звание мастера спорта международного класса. Ангела Щеголева заняла второе место на чемпионате мира по самбо и тоже выполнила норматив мастера спорта международного класса. Одним словом, у меня были успехи. Но я был детским тренером и своих учеников, как только у них проявлялись способности, вынужден был отдавать другим. После окончания института я понял, что больше не хочу такой работы. Высшее инженерное образование открывало для меня совершенно другие перспективы. Мне захотелось подняться над уровнем детского тренера. Захотелось стать взрослым.

И тут как нельзя кстати (со мной так часто происходит) случилась памятная встреча.

Забрал я сынишку из детского сада, иду с ним по улице, никого не трогаю. Вдруг мне на плечо опускается чья-то рука.

– Здравствуй, Николай.

Обернулся: батюшки, Евгений Николаевич Поляков, директор МЦБТ, моего техникума. Лысоватый, весь в веснушках, он улыбался мне во весь рот. Директор знал меня хорошо, поскольку в техникуме был я парнем заметным: участвовал в самодеятельности, играл на гитаре, заведовал фотолабораторией.

– Чем занимаешься? – сразу спросил он.

– Да так, весь в раздумьях. Месяц назад получил диплом об окончании института. Пока работаю в спортивной школе тренером по борьбе. Честно говоря, Евгений Николаевич, иду и размышляю о своем будущем.

Смотрю, глаза у моего директора загорелись, он подхватил меня под руку.

– Николай, я слышал про тебя. А если в родные пенаты? В техникум преподавать, а?

Я опешил. Это было очень неожиданное предложение.

– Не зна-а-ю, – неуверенно протянул я, – а получится? Все-таки я много лет занимался с пацанами борьбой, а тут студенты, лекции. Как-то не по себе. Смогу ли?

– Нашел о чем переживать. А мы на что? Поддержим, поможем. У меня на сегодня нет зама по вечернему образованию. Начнешь с административной работы и на полставки возьмешь кабинет Камышева. Он на пенсию по здоровью уходит, сердечко барахлит. Помнишь Альберта Романовича?

– Как не помнить, – улыбнулся я.

Альберт Романович Камышев много лет преподавал в техникуме электротехнические дисциплины – электроизмерение промышленных машин и механизмов и электроснабжение предприятий.

– Всех помню: закончил-то недавно.

– Тем более, – продолжал Евгений Николаевич. – Ты всех преподавателей знаешь, тебя знают. Осмотришься. Нашему педагогическому коллективу нужна молодая кровь. Не робей!

Его напор меня смутил. В одночасье сменить зал дзюдо на кабинет электротехники было слишком смело. Я молчал, пытаюсь считать в голове варианты.

– Что, огорошил? – засмеялся Евгений Николаевич. – Ничего, до первого августа жду. Это уже через месяц. Живее решай. Поможем! – он хлопнул меня по плечу и энергично пошагал через дорогу.

Действительно в родном техникуме я знал всех: коллектив педагогов прекрасный. Теперь, имея высшее образование, работу мне все равно необходимо было менять. А борьбой можно заняться и по вечерам. Пусть дзюдо будет хобби.

Еще утром я планировал очередную тренировку, а вечером все мои мысли были уже в другом месте. «Авантюрист», – думал я, но ничего поделывать с собой уже не мог. Вот так неожиданно моя жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов. Понятно, что такой поворот сулил массу сложностей, но я прирожденный оптимист.

Вдруг я понял, что встреча с Евгением Николаевичем не была случайной. Это судьба. А судьбе сопротивляются только глупые люди. Я себя к числу таких не относил. Шел 1984 год.

Лектор

Что скрывать, вначале было очень трудно. Слишком крутой разворот я предпринял. Заведовать в техникуме вечерним отделением – это не подсечки с удержаниями проводить на борцовском ковре. Студенты вечернего отделения – взрослые люди. А расписание? Как я намучился, пока научился его составлять. Спасибо старшим коллегам, моим кураторам Анатолию Степановичу Старикову и Виталию Александровичу Шабурову, которые терпеливо со мною возились, подсказывали, устраивали профессиональный разбор моих лекций, от которых бросало то в жар, то в холод. Иногда думалось, что я полная бездарность и ничего у меня не получится. Спасибо Альберту Романовичу Камышеву, который полностью отдал мне свой кабинет, свои конспекты. Если бы не он, неизвестно, как сложилась бы моя преподавательская судьба. А так постепенно шаг за шагом у меня что-то стало получаться. За год я полностью освоился на новом месте.

Но тут Евгений Николаевич Поляков вновь огорошил своим очередным предложением. Он вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

– Николай Юрьевич, с первого сентября хочу предложить вам место преподавателя.

– Почему? – не понял я. – Я только разобрался в делах вечернего отделения, нашел общий язык с преподавателями и студентами, научился составлять расписание занятий, выучил в лицо всех вечерников, вник в их проблемы, и вдруг...

– Ничего, ничего. Добавим часов, будет полторы ставки. Дадим красное руководство. Возьмете группу электриков. Нашему коллективу нужна ваша энергия, молодость.

Я молчал, слушал и не понимал. Видя мою растерянность, директор пустил в ход последний аргумент.

– Видите ли, есть еще одна причина. На ваше место мы планируем Виталия Александровича Шабурова. Он все-таки на пенсии, ему все труднее со студентами, а вам, я думаю, на новом месте будет интереснее. Тем более у вас полный курс электроснабжения, курсовые, дипломы. Соглашайтесь. Да и зарплату прибавим. О чем спорить?

Спорить я не стал. Молча кивнул и вышел. Прямо в приемной была другая дверь – завуча. Учитывая очень доброе отношение ко мне Анатолия Степановича Старикова, решил сразу зайти к нему.

– Что-то случилось? – понял он, только подняв голову.

– Случилось, – ответил я и опустил на стул. – Был сейчас у директора. Он предложил мне вместо должности заместителя директора по вечернему образованию стать классным руководителем группы электриков.

Анатолий Степанович тоже удивился. Он отложил бумаги:

– Продолжай.

– Не из-за места заместителя директора я расстроился. Какая разница, зам я или нет. Не могу понять логику директора, вот в чем вопрос. Целый учебный год коллектив возился со мной. У меня же нет педагогического образования. Преподаватели делились опытом, учили, подсказывали. Через год у меня кое-что стало получаться. Я стал увереннее, смелее. Навел порядок, продумал план работы отделения на следующий год. Есть предложение ввести кроме вечерней заочную форму обучения. Хотелось открыть новые специальности. Одним словом, планов громадье! Вместо этого мне предлагается все бросить и начать с нуля.

– Да, – Анатолий Степанович усмехнулся. – Ты, Николай, логику не там ищешь. Сейчас объясню. Ты думаешь о работе. А директор – о своем месте. Руководитель он слабенький. Все об этом знают, посмеиваются. Есть у него и внутренняя оппозиция в лице Любови Ивановны Тарасовой. Ему выгодно менять кадры. Почему он тебя взял? Думаешь, ты ему нужен? Не-е-ет. Ты новенький, ничего не умеешь, всего боишься. Он для тебя учитель-покровитель. Всегда

может тебя ткнуть носом, наказать, снять с работы. Одним словом, ты управляем. Но в тебе он сильно ошибся. Ты парень шустрый, за год освоился. Тебя уже просто так не возьмешь. А вдруг теперь ты будешь претендовать на его место? Ты же занимаешь должность заместителя директора! Усек? Вот он и забеспокоился. Зачем же директору выращивать себе конкурентов.

– Да не собираюсь я быть директором!

– Успокойся, дело не в тебе. Еще раз говорю: не там ищешь логику. На месте зама ты ему мешаешь. Выбор небольшой: хочешь – оставайся преподавателем, не хочешь – уходи.

Вот так я получил свой первый политический урок. Урок логики. Конечно, я перевелся преподавателем. Работать стало намного легче: отвел свои часы и свободен. Появилась возможность полдня заниматься своими делами.

Вечера проводил в спортзале, где преподаватели допоздна рубились в бадминтон, разбивая в пыль воланы. Классное руководство для меня, имевшего педагогический опыт в зале борьбы, тоже было не в тягость. Народ – двадцать восемь парней и две девчонки – у меня подобрался толковый, спортивный. Забот хватало: то смотр-конкурс, то лекции, то походы, то встречи. Замечательное было время. Лучше и интереснее я не жил никогда. Молодость, беззаботность, светлое будущее – все было со мной.

Но пришел 1985-й. Год, который изменил жизнь. Горбачев, перестройка. Новые веяния я воспринял с энтузиазмом. Никогда не был сторонником КПСС. Считал, что в партии отсутствует демократия. Объявленная Михаилом Горбачевым гласность прорвала информационную блокаду. В газетах и журналах разрешили печатать невиданные ранее материалы. О Сталине, Ленине, КПСС.

Ежедневно я старался смотреть новостные телевизионные передачи. Мне кажется, в то время вся страна жила у экрана. Народ соскучился по правде. После череды смертей престарелых лидеров к власти в Кремле пришел относительно молодой руководитель. Он умел говорить с людьми на понятном для них языке. На фоне предшественников из эпохи застоя Горбачев казался народу чудом. Мы вдруг узнали много интересного о своей стране, о ее прошлом и будущем. Его удивительная способность часами говорить о самых злободневных вопросах как магнитом притягивала меня к экрану телевизора. Тексты пленумов и съездов коммунистической партии, которые печатались в газетах массовыми тиражами, можно было читать не отрываясь, как детектив. Процесс пошел, народ проснулся от многолетней спячки.

Страна закипала от перестройки и нового мышления, а в нашем техникуме все было тихо и спокойно. Конечно, события, происходившие в стране, живо обсуждались в педагогическом коллективе, но больше в курилках, шепотом. При слове «перестройка» директор бледнел и указывал пальцем куда-то в небеса. Среди преподавателей преобладали люди предпенсионного возраста. Им было трудно всерьез принять призыв Горбачева изменить отношение к стране, истории, самому себе. Они привычно отводили часы и расходились по домам, а молодежь не решалась затеять дискуссию о новых веяниях в стране.

Самым нелюбимым мероприятием в кругу преподавателей считался педсовет. Обычно его назначали после четвертой пары в четверг или пятницу. А четвертые пары были редкостью. Обычно это время отдавалось внеклассным делам или лабораторным работам по специальным предметам. Активная жизнь в стенах техникума замирала после третьей пары: в коридорах наступала тишина, и только уборщицы гремели своими ведрами. Основная масса преподавателей, обремененных личными проблемами, расходилась по домам. Естественно, педсовет, на который надо было задерживаться допоздна, энтузиазма среди моих коллег не вызывал. Все прекрасно понимали, что это ритуал, что ничего нового там не будет. Пустая формальность для отчета руководства.

Обязательным элементом педсовета была политинформация: ее поручали одному из преподавателей, обычно по очереди. Необходимо было осветить события недели в стране, привести какие-то цифры и обязательно найти интересную заметку для общего обсуждения. Но отно-

шение к этому мероприятию было дежурным. Ответственный за политинформацию обычно шел перед педсоветом в библиотеку техникума, просматривал там подшивки газет и затем зачитывал коллегам то, что показалось ему любопытным.

Коллеги слушали докладчика вполуха. Кто-то проверял тетради, кто-то заполнял журнал, кто-то готовился к завтрашнему уроку, а кто-то просто смотрел в окно. Стены кабинета истории, где обычно проходил педсовет, украшали лозунги, скуку никак не разгонявшие. «Народ и партия едины». «Коммунистическое учение всесильно, потому что оно верно». «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Думаю, антураж знаком любому педагогу, работавшему в советские годы.

Моя политическая карьера началась на одном таком педсовете. Хорошо помню тот важный для меня день. Я по обыкновению сидел за третьим столом у окна и заполнял классный журнал, краем уха слушая, о чем идет речь. Преподаватель электротехнического цикла Светлана Ивановна Корсакова готовилась к обзору политических событий в стране. Она нервно листала газетную подшивку, подыскивая нужный материал. Ничто не предвещало событий. Обычный педсовет.

Но тут в аудитории появились незнакомые люди. Оказалось, директор пригласил работников общества «Знание».

Первой возникла крупная женщина. Огромные очки делали ее фигуру еще толще. Она по-хозяйски вошла в аудиторию и направилась к преподавательскому столу. За ней следовал небольшого роста человек, толстый и лысый. Проницательный взгляд и уверенные манеры выдавали в нем партийного работника. Он тоже подошел к столу и встал рядом с дамой. Наш директор Евгений Николаевич представил гостей и дал им слово.

– Уважаемые преподаватели. Большинство из вас коммунисты, – произнес лысый толстяк.

Народ переглянулся. Когда оратор начинает свою речь с такого, жди беды. Наверняка дальше последуют призывы проявить партийную сознательность и показать примеры беззаветного служения родине.

– Вы – наиболее сознательная часть нашего общества. Сегодня партия взяла на себя огромную роль – критики и самокритики. Партия решила очиститься от того, что тормозит ее развитие. Сегодня, как говорит Михаил Сергеевич Горбачев, мы должны правильно разъяснить идею перестройки и нового мышления нашему советскому народу. Он ждет от нас простых и понятных слов о том, что происходит сегодня в нашей стране в свете последних выступлений Генерального секретаря КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

И пошло, и поехало. Поначалу все внимали. Ждали конкретных предложений, но их не было. Где-то через полчаса, заметив, что народ начал ерзать и разговаривать, оратор очнулся.

– Заканчивая небольшое вступление, перехожу к делу, – он внимательно оглядел аудиторию и поднял верх палец. – Наиболее сознательная и грамотная часть партии должна мощным отрядом выйти в народ. На очередном заседании горкома мы посоветовались с товарищами и решили усилить разъяснительную работу среди населения. Начато формирование лекторской группы из числа наиболее сознательных и грамотных коммунистов. Тема лекций одна: «Перестройка и новое мышление». Народ должен понять и принять идею самоочищения партийных рядов...

Казалось, он опять завелся на полчаса. Но его остановил замдиректора по учебной части Анатолий Степанович Стариков. Он отвечал за проведение педсовета и решительно взял бразды в свои руки.

– Если мы правильно вас поняли, вам необходим список преподавателей для проведения лекций?

– Да, – ответил он. – Что это за новая лекторская группа, вам объяснит представитель общества «Знание», на базе которого и будет организована вся работа.

Дама решительно шагнула вперед.

– Уважаемые товарищи! – словно с трибуны партсъезда крикнула она.

Преподаватели рассмеялись. Дама осеклась и перешла на человеческий тон.

– Сегодня мы формируем список лекторов по Волжскому району.

– В колхоз поедем? – спросил кто-то из задних рядов.

Горкомовец вскочил со стула:

– Конечно, обязательно в колхозы и совхозы. Нужно дойти до каждого человека.

– Опять бесплатно мотаться по фермам да свиарникам, – отреагировал тот же скептический голос сзади.

– Общество «Знание» будет платить как обычно: рубль сорок за лекцию в городе, два двадцать в районе, – ответила тетенька из «Знания». – Думаю, для вас, как правильно здесь было сказано, наиболее сознательной части передового отряда партии, вопрос оплаты вообще не должен стоять в повестке дня.

– Дело не в деньгах, – вновь вставил свое веское слово человек из горкома.

– Мы нуждаемся в притоке новых, неформальных лиц со своей партийной позицией.

В аудитории наступила тишина. Кому хочется в свободное от работы время мотаться по деревням и в коровниках читать лекции неграмотным дояркам. Даже несмотря на высокое звание «наиболее сознательной части передового отряда». Волжский район большой. До колхоза «Москва» семьдесят километров. Уедешь туда, так на целый день. Я понимал коллег. Они опустили глаза и словно не выучившие урок ученики внимательно разглядывали парты.

А мне хотелось. Я загорелся идеей нести в массы идеи перестройки и нового мышления. Так, как я их понимал. Но вскакивать с места и предлагать свои услуги я не торопился. Мне было интересно, чем кончится дело: кто из коллег готов пожертвовать своим свободным временем ради идеи.

– Дело добровольное, – начал было представитель горкома, но директор техникума его перебил.

– Не надо никакой добровольности, никакой анархии. Иначе никто не согласится. У каждого из нас есть общественная нагрузка. Плюс семья. Найти свободное время очень сложно. Я предлагаю поручить лекторскую работу нашим молодым преподавателям.

Он посмотрел в мою сторону.

– Молодым преподавателям, на мой взгляд, лекторская работа будет интересной, да и забот у них все-таки поменьше, а энергии во много раз больше. Посмотрите, – он обвел рукой выдохнувший с облегчением коллектив, – у нас в основном преподаватели солидного, так скажем, возраста, и, думаю, молодежь поддержит мою инициативу.

Старшие товарищи смотрели на меня с плохо скрываемой надеждой. Глянув по сторонам, я с удивлением обнаружил, что преподаватели моего возраста отсутствуют. Из молодых специалистов на педсовете я был один.

– Если обществу «Знание» хватит одного лектора, то готов попробовать, – не вставая из-за стола, объявил я.

Аудитория еще раз облегченно вздохнула. Коллеги сразу оживились и стали переговариваться, поглядывая на часы.

– Маловато, – представитель горкома явно потерял былой пыл.

– Ничего, – бодро ответил Евгений Николаевич Поляков. – Я завтра поговорю с нашей молодежью. Думаю, что пару человек найдем.

Такой поворот всех устроил. Педсовет окончил свою работу. Я подошел к даме из общества «Знание». Она записала в блокнот мои данные и строго сказала:

– Николай Юрьевич, напишите конспект, подготовьте материалы и, если вам нетрудно, принесите мне посмотреть. Договорились?

Я был воодушевлен. Скажу честно, история и политика меня очень интересовали. Иногда даже на лекциях, особенно у вечерников, отходил от темы электроснабжения и пускался в споры о происходящем в стране. А происходило необыкновенное. Реабилитация Солженицына, возвращение из ссылки Сахарова, выявление коррупции (узбекское дело) и т. д. В партии, ее идеологии, в поведение коммунистов мне многое не нравилось. Магазины были пусты, в условиях тотального дефицита процветал блат, которому партийные начальники были отнюдь не чужды.

Последней каплей недовольства в народе стала антиалкогольная кампания Горбачева. Как спортсмен я не пил и не курил. Идею борьбы с алкоголизмом поддерживал полностью. Но вот с методами был не согласен. Мало того, что по талонам у нас продавалось практически все, от мяса до одежды, так теперь их ввели и на водку. Раз есть талоны, их надо отоварить. А отоварил, думай, что с этой водкой теперь делать: пить или не пить? Народ начал гнать самогонку. Умельцы наловчились получать спирт даже из гуталина. Пили всякую гадость: паленый спирт, средство для очистки стекол, столярный клей, недоспелую брагу. Таксисты на вокзале открыто торговали самогоном. Страна медленно катилась в пучину бесконтрольного пьянства.

Перестройка начала буксовать. Партийные бонзы только и делали, что болтали о перестройке и новом мышлении. В стране возник тотальный дефицит на товары народного потребления. На юге страны очумелые чиновники под маркой борьбы с пьянством начали вырубать прекрасные сорта виноградников. Одним словом, в стране победившего социализма наступал коллапс. Я самоуверенно решил, что без меня в такой трудный час общество обойтись не может.

За лекторское дело я по обыкновению взялся с энтузиазмом. Серьезно проработал литературу, подобрал необходимую статистику. Даже нарисовал на больших листах ватмана графики о развитии промышленности и сельского хозяйства Марийской АССР. Когда все было готово, отправился в общество «Знание».

Оно находилось в здании горкома партии. Оказавшись там впервые, я еле сдержал вдох разочарования. Серые, какие-то грязные стены. Рассохшиеся, потерявшие цвет половые доски. Усеянная сигаретными бычками и сгоревшими спичками лестничная площадка. Да и сам кабинет общества «Знание» выглядел убого. Это было маленькое, в одно окно, заваленное различной литературой помещение с огромным железным шкафом в углу. За столом в ворохе бумаг сидела знакомая толстушка. Но никакого напора и пафоса в ее манерах уже не было. Наверное, здесь, в кабинете, ей не хватало зрителей и ответственного товарища из горкома.

– Присаживайтесь – махнула она рукой на замызганный стул.

Я присел на край стула. Мой рулон с диаграммами уперся в ее стол.

– Вот вам, Николай Юрьевич, направление на лекцию. Придете в организацию, найдете председателя профкома или парткома. Договоритесь о времени, как им и вам удобнее. Они обязаны собрать для вас работников, желательно в обед. Лекция не более сорока пяти минут. Это вам знакомо, будем считать, что вы проводите урок.

Я кивнул.

– После лекции руководитель должен расписаться на бланке и поставить печать. Справку приносите мне. Финансовый расчет за прочитанные лекции один раз в месяц. Расценки у вас есть.

Я опять кивнул.

– Справку можно почтой: некоторым лекторам так удобнее. Все. Если нет вопросов, то желаю удачи.

Я не успел вставить ни единого слова. Растерянно поднимаясь, не выдержал:

– Позвольте, вы говорили, что проверите мои лекции. Почтаете материал, если что, поможете и поправите. Я принес.

– Вижу, – она не дала мне договорить. – Проверять тут нечего. Вы имеете высшее образование, каждый день читаете такого рода лекции в техникуме. Я вам доверяю.

– Но я читаю лекции по электротехнике.

– Ничего, ничего, мне вас характеризовали как умного, настойчивого молодого человека. Вам и карты в руки. Все, я спешу. Извините.

Не давая мне опомниться, она встала из-за стола. Пришлось встать и мне. Разворачиваясь, я неловким движением чуть не сбил своим рулоном с ее стола набор ручек с календарем. Извинился и, пятясь, осторожно вышел на уже знакомую заплыванную лестничную клетку. Дама вышла следом, быстро закрыла дверь и исчезла в коридорах власти.

Вот тебе раз, – растерянно подумал я. – Дурак, набитый фантазиями. Собирался на встречу как жених. Заготовил вырезки из газет. Уговорил Леночку, секретаршу директора, напечатать на машинке текст. Два вечера рисовал диаграммы. А она даже не удосужилась посмотреть материал.

«Вам и карты в руки», – вслух передразнил ее я и, чертыхаясь, пошел обратно в техникум.

Разочарование не давало мне покоя. Такое важное дело, идеологический фронт, как любят говорить коммунисты, доверили какой-то абсолютно равнодушной особе.

Но к вечеру я успокоился. Получалось, мне отдали на откуп целый Волжск и район в придачу. Читай что хочешь, как хочешь, где хочешь и сколько хочешь. Что ж, такой вариант меня устроил. Это даже неплохо.

В голове тут же сложился план более смелых лекций. Удивительная беспечность представителя общества «Знание» подтолкнула меня к переработке всего материала. Нет, конспект лекции остался в целостности и сохранности, но комментарии, выводы, характеристики я решил сделать более острыми.

Переработал материал о руководящей роли КПСС. Ярче и жестче дал оценку Сталину и культу личности. Ну а Ленина вообще определил в основоположники фашизма. В текст лекции были внесены те материалы Владимира Ильича, которые особо не афишировались коммунистами. А именно записки о роли интеллигенции в развитии российского общества, о массовом взятии в заложники семей церковнослужителей, дворян и офицерства, о красном терроре, о том, что не кто иной, как Троцкий первым в России организовал концентрационный лагерь на Соловках для изоляции и полного уничтожения политических противников большевистского режима.

Отдельно шел вопрос о гласности, перестройке и новом мышлении. «Огонек» – журнал, никогда не писавший о политике, стал рупором демократических сил в коммунистической партии. Критика лилась рекой, газеты были все смелее, выступления и диспуты все интереснее. Для хорошей лекции на злобу дня ничего не надо было выдумывать. Просто надо было людям говорить правду, не врать, не уходить от острых вопросов.

Ровно через неделю после памятного педсовета я начал читать лекции в организациях Волжска. Каждая лекция проходила по одному сценарию. Я начинал говорить об обстановке в стране, о Горбачеве, о том, что он хочет от каждого из нас, от простого народа. Затем приводил ряд статистических данных о промышленности, сельском хозяйстве страны и нашей автономной республики. В середине лекции переходил на критику партии и властей на местах.

Народ внимательно слушал и не верил своим ушам. Люди напряженно вглядывались в мое лицо, искали взглядом парторга и как будто ждали, что вот сейчас в зал войдет наряд милиции, на меня наденут наручники и погрузят в черный воронок. Такой эффект поначалу меня смешил. Ведь я не говорил ничего нового: моя лекция состояла из опубликованных в центральной прессе материалов. Те же выводы звучали из телевизора, а настоящая история коммунистической партии была давно озвучена писателем Солженицыным и академиком Сахаровым. И только прочитав несколько лекций, я понял, в чем дело. Наотмашь било живое слово. Одно дело – газеты и радио, а другое – человек, лектор общества «Знание». С официальным

направлением из городского комитета коммунистической партии. И он, этот новый лектор, которого партия направила в массы разъяснять свою политику, положит коммунистов в хвост и в гриву.

Мне вдруг стало понятно, отчего в глазах некоторых моих слушателей я видел неподдельный животный страх. За семьдесят лет своего существования советская государственная машина вырастила человека-раба. Партия большевиков пропустила население огромной страны через кровавое месиво гражданской и Великой Отечественной войн, жестоких репрессий. Каленым железом коммунисты выжгли из человека желание мыслить и анализировать. Запугали его расправами и психушками. Всеми силами государственного карательного аппарата долгие годы топтали христианские ценности и навязывали свои нормы поведения. За годы правления большевиков советский человек превратился в раба, который отвык думать и принимать решения.

Раб больше всего боится правды, он разучился жить по правде. Его устраивает ложь. Раб, как хамелеон, быстро приспосабливается к обстановке. Он врет самому себе, окружающим и терпит вранье других. Так удобно. Не лезь, не высовывайся, угождай. За молчание и покорность по талону получишь итальянские сапоги или джинсы, банку икры или кусок колбасы. Вроде всем всего хватает. Есть какие-то гарантии. Раб уговаривал себя: «Все хорошо! У нас в стране все хорошо! Лишь бы не было войны».

Вот так живет себе человек, работает, воспитывает детей, и вдруг однажды в рабочий полдень в красный уголок предприятия приходит молодой лектор из общества «Знание». Он одет в костюм, на шее у него повязан галстук. Лектор встает на трибуну рядом с кумачовым знаменем и совершенно официально утверждает, что советский человек – раб. И что свою жизнь он прожил неправильно.

На каждой лекции после получасового монолога я делал паузу, спрашивал мнение людей о том, что они услышали, просил писать записки с вопросами. Кстати, независимо от рода деятельности предприятия, записок всегда поступало много. Оказалось, людям проще написать. А задавать вопросы вслух, принародно, так сказать, им было то ли неловко, то ли непривычно. Я и не настаивал. К концу лекции, а она обычно длилась час, слушатели не хотели расходиться. Начальству приходилось разгонять подчиненных по рабочим местам. Народ выходил из красного уголка и возбужденно гудел, как растревоженный улей. Для меня это было самое главное. Значит, лекция нашла отклик в душах и сердцах. И наверняка продлится. Мужики дospelят в курилке, а у женщин появиться повод выпить чашку чая.

Моя лекторская свобода продолжалась недолго. По городу пошел разговор о молодом лекторе, который будоражит трудовые коллективы дерзкой критикой коммунистической партии и советского правительства. Вскоре в техникуме появилась моя старая знакомая из общества «Знание». На этот раз она уже не выглядела такой беспечной, как в предыдущую нашу встречу. Сквозь огромные очки в меня летели молнии, а на губах гуляла ехидная ухмылка.

– Отвратительные слухи ходят про ваши лекции.

– Да что вы говорите, – как можно искренней постарался удивиться я. – Чего же нехорошего там может быть? Лекция с вами согласована, вы ее внимательно прочитали, дали добро. Не может там быть ничего нехорошего.

Лицо ее изменилось. Я попал в самую точку. Воспоминание о нашей предыдущей встрече слегка остановило ее напор. Оснований для принятия мер не было. Да и с кого в первую очередь спрашивать? Конечно, с руководителя лекторской группы, то есть с нее. Она это поняла и, покачиваясь на пятках, в раздумье закусила губу. Требовалось найти такой выход из щекотливого положения, чтобы и овцы были целы, и волки сыты.

– Ладно, – медленно сквозь зубы процедила она, – с сегодняшнего дня на ваши лекции будет ходить член правления общества «Знание», ветеран партии и труда. Кстати, ее партийный стаж составляет пятьдесят лет. Она прикрепляется к вам как шеф. Начиная с сегодняш-

него дня, вы не имеете права читать лекции без ее присутствия. Вот вам путевка. Завтра в обед у вас лекция в Волжском отделении госбанка.

Это уже интересно, подумал я. Значит, мне дали надсмотрщика, это хорошо. Пришла пора наконец встретиться лицом к лицу с живым свидетелем истории ВКП(б).

Назавтра я явился во всеоружии. Здание госбанка располагалось через дорогу от техникума. Лекция проходила на втором этаже в помещении красного уголка. Перед входом меня встретила Валентина Александровна Черных, директор банка и депутат городского собрания, а также незнакомая мне пожилая женщина. Ростом выше среднего, можно сказать, крупного телосложения. Седые волосы, очки, внимательный взгляд говорили о том, что передо мной стоит человек, который знает себе цену. Даже по манере принимать знаки внимания чувствовалось, что это не простой ветеран, а обласканный партийной и административной властью города. На меня смотрели пронизательные глаза опытного человека.

Да, подумал я, с этим монстром в юбке надо быть аккуратней на поворотах.

Женщина уверенно подошла ко мне, протянула для приветствия руку.

– Клавдия Федоровна, – представилась она и, подойдя почти вплотную, стала довольно бесцеремонно меня разглядывать. – Наслышана, наслышана, молодой человек.

Ее голос никак не соответствовал возрасту. Сочный, грудной, он звенел молодостью и энергией. Чувствовалось, что речь у человека поставлена. Такой ветеран за словом в карман не полезет. Я крайне осторожно пожал ее ладонь и был удивлен, когда она, перехватив инициативу, крепко стиснула мои пальцы. А потом довольная засмеялась.

– Что, молодой человек, думаете, старая рухлядь? Ладоньку сжать боитесь. Зря. Я, братец мой, старая революционерка. Молода была – горы сворачивала. Днепрогэс девчонкой возводила.

– Вот, – продолжила она свою приветственную речь, – прикреплена к вам, молодому дарованию лекторского искусства. Надо быть в гуще проблем. Хочется послушать трактовку событий молодежью. У меня-то свое видение перестройки, – она хитро улыбнулась и, взяв меня под руку, повела в миниатюрный зал.

– Учтите, молодой человек, аудитория здесь своеобразная. Сплошь женщины, да к тому же еще и банкиры! Дебет с кредитом, их эти! Так что особо не обольщайтесь. Аплодисментов не получите, это я вам гарантирую. Не выпендривайтесь, молодой человек.

Это самое «не выпендривайтесь» очень естественно прозвучало из ее уст, сразу видно – любимое словечко. Мой новый куратор определенно внушал уважение. Старая партийная активистка, участвовавшая в строительстве Днепрогэса, на удивление быстро оценила обстановку и характер аудитории. Я послушался ее и лекцию провел без особого накала. Коммунистам, правда, все равно досталось по полной программе, а вот с Лениным и его товарищами пришлось обойтись более аккуратно. Разговор я перевел на актуальные вопросы сегодняшнего дня и историю почти не трогал.

Женщины, а в зале сидели только они, начало лекции восприняли холодно. Сразу чувствовалось, что они далеки от политики и с радостью поменяли бы ненужное им мероприятие на традиционную в любом учреждении чайную церемонию. Отсутствующие взгляды просто выбивали меня из колеи. Однако я быстро перестроился. Пару ярких эпизодов, резких выпадов против КПСС, плюс примеры, касающиеся каждой женщины: дефицит товаров и услуг, колготки и зимние сапоги, талоны на колбасу и мясо, – и все, аудитория преобразилась. В конце я уже немного осмелел и прошелся по любимой коммунистической партии.

Мой куратор сидела в последнем ряду, закрыв глаза. Трудно было понять, какой эффект производят на нее мои речи. Поэтому я решил вести себя так, будто ее в зале просто нет.

Отведенные для лекции сорок пять минут пролетели как одно мгновение. Аудитория разогрелась и после окончания расходилась неохотно. Наиболее любопытные, в основном молодые девушки, даже задержались и задали мне несколько вопросов.

Наконец я освободился. Мой куратор терпеливо дождалась, когда слушательницы разойдутся по рабочим местам. Встала, подошла. Глаза прищурены. И опять я так и не мог прочесть в них, что же она обо мне думает. Я оценил это. Действительно старый опытный партиец. Знает как себя вести.

– Да... – она была задумчива.

Взяла меня под руку и без иронии тихо произнесла:

– Проводите старую революционерку.

Попрощавшись с руководителем банка, мы вышли на улицу. До начала уроков у меня еще было время. С волнением я ожидал приговора. Остановились. Я посмотрел на нее. Она молча сняла очки. Достала чистый платочек. Протерла стекла. Одеда очки.

– Я надеюсь, молодой человек, вы хотите знать мое мнение.

– Естественно, – так же тихо произнес я и еще больше заволновался. Кажется, даже покраснел. Сердце забилося чаще.

– Ну что ж, обманывать вас мне смысла нет. Меня просили дать вашим лекциям оценку. Я услышала все, что хотела. Хотя, думаю, многое вы не сказали, учитывая, что я в зале. Если б меня не было, разошлись бы вы, Николай Юрьевич, на полную катушку, – она засмеялась легким смехом и тут же сделала серьезное лицо. – И вот что я вам скажу. Да, лектор вы талантливый, умеете говорить и держать в руках аудиторию. Не знаю, откуда, но школа в вас чувствуется. Мое мнение такое. Далеко пойдете, но... Говорите вы не то. Мне неприятно вам это говорить, но говорите вы не то. Переделывать меня уже поздно, я одной ногой стою в могиле и хочу закончить свою жизнь, не разочаровываясь в прошлом. – Она ненадолго замолчала. – Из вашей лекции выходит, что я слепая и недалекая. Жизнь прожила зря. Я в это не верю и не стану верить никогда. Я прожила жизнь с гордостью, с уверенностью, что служила великим идеалам. Позвольте мне и умереть с этим убеждением. Меня не провожайте, – она протянула на прощание руку.

Я пожал протянутую руку уже без опаски. Шершавые костистые пальцы уверенно и жестко сжали мою ладонь.

– Впереди у вас тяжелая жизнь. Придется вам пострадать. Поверьте, мне, старой большевичке. Так просто мы ничего вам не отдадим. Не надейтесь.

Она развернулась и энергичным шагом удалилась. Потрясенный, я смотрел ей вслед. Непростая женщина. Она сразу выхватила главное. Я – ее идейный враг, не больше и не меньше. Такие люди не пойдут на изменения в партии. Они не будут ставить на кон свои страдания и завоевания Октября. Всегда останутся с ними.

Больше на мои лекции она не ходила. Когда через неделю я пришел в общество «Знание» за очередной путевкой, руководительница встретила меня недобрым взглядом.

– Вы доиграетесь. Я вас предупреждаю в последний раз. Хватит вам пудрить мозги неграмотным гражданам. Следующая лекция у вас в проектно институте. Имейте в виду, что там все люди с высшим образованием и что там прекрасная партийная ячейка.

Это был неожиданный ход. По всему видать, лекция станет последней. Чувствовалось, что тетенька из общества «Знание» говорила чужими словами. Скорее всего мой куратор провела встречу с руководством горкома партии и – спасибо ей – убедила начальство направить меня в наиболее сильную парторганизацию города. Видимо, перед ответственными работниками проектного института, из которых девяносто процентов имели высшее образование и все сто состояли в партии и комсомоле, была поставлена задача выиграть идеологический бой с молодым лектором, выскочкой и фразером. Это было что-то новенькое. Одно дело – молчаливая масса слушателей, которая пришла на лекцию по привычке, и совсем другое – готовая к горячей дискуссии, идейно подкованная группа коммунистов. Не было сомнений, что это прямой вызов.

В проектно-институте города Волжска работала Мария Лукинична Зотина, жена первого секретаря горкома партии.

Зотин Владислав Максимович.

Родился 22 мая 1942 года в с. Килемары.

Государственный и политический деятель.

Из семьи сельских интеллигентов. Отец – Максим Петрович – организатор первой коммуны в Сурске, учитель, партийный работник, редактор Килемарской районной газеты, погиб на фронте в 1943 году. Мать – Зоя Ивановна – работала учительницей, профсоюзным организатором в Горномарийском районе Марий Эл, одна воспитывала двух сыновей. Окончил Еласовскую сельскую школу, 1959. Год работал в колхозе. В 1965, после окончания Московского института инженеров сельскохозяйственного производства, направлен в Параньгу главным инженером районного управления сельского хозяйства. Активный общественник, замечен первым секретарем райкома КПСС Арефьевым И. А., в 1967 возглавил райком комсомола. В 1966 году женился на рязанской девушке Марии Лидякиной, работавшей в Параньге главным инженером дорожного участка. В 1969 назначен заместителем председателя райисполкома, в 1970 году избран вторым секретарем Марийского обкома ВЛКСМ. Два года, 1974–1976, учился в Москве, в Высшей партийной школе. Направлен в Кузнецкий район – председатель райисполкома, с 1979 первый секретарь райкома КПСС. Солидное повышение получил с началом перестройки: в 1986 возглавил Волжскую городскую парторганизацию. С апреля 1990 первый заместитель председателя Верховного Совета Марийской

АССР, а августа – председатель. Под его руководством в Марийской республике одной из первых в России проведена реформа управления – введен институт президентства, 1991, учрежден парламент на мажоритарной основе, 1993. На выборах президента, декабрь 1991, в паре с кандидатом в вице-президенты Галавтеевым В. А. одержал уверенную победу. Годы его правления пришлись на самый тяжелый период российских реформ: невостребованный ВПК, составляющий 82 % объема промышленности республики, разваливающееся сельское хозяйство, хронические невыплаты зарплат и пенсий и пр. В декабре 1996 на выборах президента набрал третье число голосов среди 6 кандидатов и не попал во второй тур. Работал в разных организациях. В настоящее время на пенсии.

Депутат Верховного Совета МАССР трех созывов: 1980-85, 1985-90, 1990-91.

Академик Международной академии информатизации.

Медаль «За преобразование Нечерноземья РСФСР», 1985.

Семья: мать, жена, два сына, внук, две внучки.

Девиз: «Только вперед!»

(«Кто есть кто в Марий Эл», 2002, с. 208)

Сам о себе Владислав Максимович Зотин говорил коротко: «Я маленький черненький мариец». Действительно, он был маленького роста и зело худ. Черные волосы и смуглая кожа выдавали в нем горного мариийца.

Когда приезжешь говорят о том, что мариийцы делятся на горных и луговых, человек начинает вертеть головой в поисках гор. Но искать надо не горы, а реку Волгу. Один ее берег крутой и высокий, другой – низменный. Мариийцы, родившиеся на высоком берегу Волги, считаются

горными, а родившиеся в низине – луговыми. Внешние отличия – существенные. Луговые марийцы преимущественно русоволосые, кожа у них белая или красная, глаза раскосые; горные марийцы смуглые, глаза их имеют более округлую форму. Статья 15 Конституции Республики Марий Эл гласит: «Государственными языками в Республике Марий Эл являются марийский (горный, луговой) и русский языки».

Как все люди маленького роста, Зотин не был лишен комплексов. Один из них бросался в глаза сразу. Сознывая свою щедедушность, Владислав Максимович совсем не стеснялся ее, не скрывал, а, наоборот, подчеркивал. Он очень любил окружать себя высокими и крепкими людьми, на фоне которых выглядел еще меньше, и, похоже, получал истинное удовольствие от того, что эти рослые дядьки склонялись перед ним в три погибели и были готовы выполнить любую его команду.

Невзрачная внешность могла ввести в заблуждение тех, кто его не знал. Кому-то казалось, что в борьбе за руководящее кресло он слабый и неопасный конкурент, но это была ошибка. В этом маленьком человеке было достаточно ума, хитрости и терпения, чтобы отвоевать себе место под солнцем.

Он обожал интриги и подковерные дела. Редко делал то, что обещал. Ценил лесть и раболепие. По любому поводу мог говорить часами и страшно сердился, когда его обрывали.

Для карьерного роста в национальной республике изначально необходимы три условия: образование, национальность и личная преданность первому лицу.

Первому секретарю Марийского обкома партии Григорию Андреевичу Посибееву Зотин понравился. Ему казалось, что маленький черненький мариец скромнее не только ростом (сам Посибеев был мужчиной высоким и крепким), но и карьерными амбициями. Чтобы доверие партийного лидера к Зотину было полным, не хватало сущего пустяка.

Не секрет, что в годы развитого социализма по служебной лестнице быстрее продвигались чиновники, имеющие в своей биографии какое-нибудь пятно, прокол. В идеале это должен был быть проступок, имеющий отношение к конкретной статье уголовного кодекса. Но сажать свои кадры в тюрьму у коммунистов Советского Союза было не принято. Обычно уголовное дело на партийного функционера прекращалось, прокурор складывал материалы в папочку и передавал ее первому секретарю обкома КПСС. Первый вызывал провинившегося на ковер и после серьезного партийного разговора вынимал из сейфа папочку. Выбор у провинившегося был простой: или беззаветно служить родине, то есть первому секретарю, или загреметь на нары. Так выращивались верные партийные кадры.

Для решительного рывка по службе Владиславу Максимовичу не хватало именно какого-нибудь маленького преступления. И, кажется, оно случилось перед самой перестройкой. Широкое хождение в узких кругах получил слух, что Зотин, в то время первый секретарь Куженерского райкома партии, попался на приписках. Не могу точно сказать, что именно было приписано – урожай, надои или поголовье. Но район получил переходящее знамя победителя соцсоревнования, и только труженики села собрались порадоваться, как знамя изъяли: выяснилось, что победные результаты приписаны.

Казалось, скандал ставил на карьере партийного функционера жирный крест. Максимум, на что можно было рассчитывать после такого, – это место зоотехника или завгара в отстающем колхозе. Но скандал потихоньку замяли. А вскоре, в самое тревожное время горбачевской перестройки, Посибеев назначил Зотина первым секретарем парторганизации Волжска и Волжского района.

Так маленький черненький мариец стал руководителем второго по величине города республики, имеющего ряд предприятий (в том числе военных) союзного значения. В районе под его властью оказались десятки крупных и мелких колхозов, а также развитая база отдыха. Имевшие большой спрос санатории и профилактории (марийский край называют страной тысячи озер, здесь дивные сосновые леса и чистые реки), национальный парк «Марий чодра» –

все это теперь было в его ведении. Из малозаметного функционера районного масштаба Владислав Максимович в одночасье превратился во влиятельную фигуру региона.

Почему Посибеев подобрал второму городу республики такого руководителя? У меня есть только одно объяснение.

Назначением Зотина, маленького черненького марийца, Посибеев хотел унижить или по крайней мере поставить на место вечно бунтующих руководителей промышленных предприятий Волжска.

Не секрет, что Волжск – извечный конкурент Йошкар-Олы. В 1940 году, когда в Волжске было 40 тысяч жителей, в столице республики проживало лишь 26 тысяч. Кроме того, Волжск – это город-вольница. Съехавшийся со всей страны на строительство бумажного комбината народ впоследствии был разбавлен репрессированными крымскими татарами, пленными немцами и всякого рода ссыльными. Эта смесь наций, религий, характеров дала особую породу людей – волжан. Громогласные и самостоятельные, они сильно отличались от робких и неприятельных марийцев, заселявших этот лесной край. За независимость и ершистость волжан не любил ни один руководитель республики.

Зотин приживался в Волжске долго и мучительно. И немудрено: директорский корпус воспринимал его с трудом. Даже внешне руководители предприятий выглядели фигурами иного калибра: все как на подбор крепкие, высокие, здоровые, уверенные в себе. Несколько заводов имели двойное подчинение. Поэтому некоторое время Владислав Максимович занимался только сельским хозяйством.

Немного забегаю вперед, замечу, что в своем протезе Посибеев ошибся. Ставка на замаранного и послушного не сыграла. Зотин вновь попался на приписках. Все было как в прошлый раз: сначала переходящее знамя за победу в соцсоревновании, а потом скандальное разоблачение. На этот раз приписки выявил юрист управления сельского хозяйства Волжского района Сергей Александрович Панфилов (впоследствии его выберут главой района). Знамя снова отняли, скандал снова замяли, а Зотина снова повысили – теперь до первого заместителя Председателя Верховного Совета МАССР.

Все это не мешало Владиславу Максимовичу быть хорошим семьянином. Его супруга, русская по национальности, была женщиной высокой и статной. Двое детей. С одним из них, Эдиком, я долго занимался дзюдо. Родители вообще поощряли спорт и здоровый образ жизни: сам Владислав Максимович не курил и каждое утро бегал на зарядку в парк. Сыновья получили хорошее образование и, по-моему, состоялись как личности.

Итак, в Волжском проектном институте, где трудилась Мария Лукинична Зотина, мне надлежало прочитать лекцию на тему «Перестройка и новое мышление». Я отчетливо понимал, что это финальный пункт моей лекторской карьеры: коммунисты никак не могли простить мне всего того, что я наговорил о них в рабочих коллективах.

В проектном институте меня ждали и готовились. Директором института был член бюро горкома Валерий Александрович Кутузов. В актовом зале он собрал наиболее стойких и подкованных коммунистов, а неблагонадежных решили на лекцию не пускать: для верности завхоз даже запер в коридоре дверь.

Свободных мест в зале не было. В последнем ряду я увидел жену первого секретаря горкома партии. Все шло по плану.

Уже через считанные минуты после начала лекции монолог уступил место диалогу. Моим оппонентам была необходима победа, причем, пожалуй, даже больше, чем мне. Старые коммунисты подготовились основательно. Каверзные вопросы сыпались на мою лекторскую голову со всех сторон. Одного не учли мои оппоненты: их время прошло. Многолетняя ложь партийной номенклатуры как ржа разъела идеологическую платформу партии. Реальная жизнь советского человека разительно отличалась от того, что говорили с высоких трибун вожди.

В магазинах города стояли пустые полки. Товары расходились по благу прямо с торговых баз. В конце каждого месяца городской торг выбрасывал в открытую сеть, словно собакам мяса, малую часть продуктов и дефицитный вещей. Партийная номенклатура жировала, а «его величество рабочий класс» еле сводил концы с концами.

Обо всем этом я тогда говорил. Коротко и четко ответил на вопросы старых коммунистов и перешел в контратаку. У меня вопросов тоже было заготовлено великое множество. Хотя эти вопросы задавал даже не я – их задавала жизнь.

Никогда я не был так упоен победой. А в том, что это была победа, сомневаться не приходилось. Вместо сорока минут мероприятие растянулось на полтора часа. Лекция закончилась, а возбужденные работники института никак не хотели меня отпускать. В какой-то момент завхоз открыл дверь, в зал ввалила толпа, и мне пришлось некоторые вещи рассказывать по второму разу.

Мои единомышленники с горящими глазами ворвались в разговор и начали на чем свет стоит костерить свою партийную верхушку. Парторг института испугался. Он начал шуметь, разгонять сотрудников по рабочим местам под предлогом того, что они нарушают трудовую дисциплину. Действительно, обеденный перерыв давно прошел, мы задержались.

Мои сторонники проводили меня до самых дверей. Они жали мне руки и требовали продолжения дискуссии. Осмелев, говорили, что если и в следующий раз их не пустят на лекцию, они сломают дверь.

Перестройка расколола общество на две неравные части. Ортодоксы пытались каким-то образом сдержать курс на обновление, но были в очевидном меньшинстве. Недовольных политикой партии пытались урезонить, однако их становилось все больше и больше. Так получилось, что я со своими лекциями стал для них каким-то символом обновления.

Народ просыпался, словно медведь от зимней спячки. В людях пропал страх. Чем больше газеты писали о зверствах ГУЛАГа, тем смелее становился советский человек. Гласность и новое мышление выплеснулись из кухонь и курилок на улицу. Что ждало нас на этих улицах? Честно говоря, об этом никто не думал. Все упивались свободой слова, демократией. Люди читали газеты и не верили в происходящее. Даже некоторые коммунисты со стажем ходили задумчивые: переоценка жизни и истории давалась им с большим трудом.

На следующий день не успел я прийти на работу, как прибежала секретарша и срочно пригласила меня к директору.

Начинается, подумал я. Но страха не было. Единственное, что могли со мной сделать коммунисты, – лишить права читать лекции.

– Николай Юрьевич, – директор был как всегда энергичен, – что вы вчера натворили?

Наш техникум структурно подчинялся министерству среднего и технического образования в Москве, но Волжский горком партии мог, конечно, оказать влияние на коммуниста Евгения Николаевича Полякова. Я пожал плечами и по возможности спокойно произнес:

– Ничего особенного. Читал лекцию в проектно-институте.

– Какая лекция? – приподняв рыжие брови, выдавил он.

– Как же, вы сами рекомендовали меня на лекторскую работу в общество «Знание».

– Черт возьми, – заорал он, – наверное, из-за этого меня вызывают к самому.

– К кому? – не понял я.

– К кому, к кому, – зло передразнил он, – к первому секретарю горкома партии товарищу Зотину!

Директор схватился за голову и заметался по узкому кабинету.

– Что вы там наговорили? – раздраженно спросил он и, не дав мне ответить, стал собирать со стола бумаги, беспрестанно разговаривая с самим собой.

– Дурак я, дурак. Как можно было так опростоволоситься. Я же знал, что вы антисоветчик. Все эти разговоры по техникуму. Ну вот, допрыгались вы, Николай Юрьевич. Учтите, –

повысив голос, он поднял вверх указательный палец. – Там я вас защищать не буду. Последствия непредсказуемы. Зотин, он зверь. Он порвет меня на части. Зачем я вас рекомендовал? Все, готовьтесь на вылет, вы свободны.

Я пожал плечами и вышел из кабинета, прекрасно понимая, что никто меня с работы за это не выгонит. Зажимать критику во время набирающей обороты гласности было опасно. Бледный Евгений Николаевич с папкой бумаг в руках выскочил из кабинета следом за мной и чуть не бегом пролетел мимо. В таких растрепанных чувствах директора никто не увидел: коридоры были пусты, шли занятия.

Реакция Зотина понятна. Он получил информацию из первых уст. Шагая в свой кабинет, я так и не вспомнил, когда его жена ушла с лекции.

Настроение было испорчено. Проводить занятия со студентами в таком состоянии было тяжело. Кое-как доработав до обеда, я спустился в учительскую. Там меня поджидал мрачный Поляков, уже вернувшийся из горкома.

– Ну, как визит к «самому»? – припомнив его поднятый вверх палец, нашел в себе силы связать я.

– Смеетесь? И напрасно. Смеяться будете вечером. Владислав Максимович приглашает вас на беседу. Так что, будьте любезны, Николай Юрьевич, к пятнадцати ноль-ноль явиться в горком партии. На ковер к «самому»!

– Разве что приглашает, я ведь не коммунист, – на всякий случай напомнил я и вышел из учительской.

Не успел пообедать, как вокруг моей скромной персоны начали происходить всякие события. В приемную директора позвонила тетенька из общества «Знание». Она попросила срочно прислать текст лекции за моей подписью, а также графики и диаграммы. Потом звонил редактор газеты «Волжская правда» Владимир Андреевич Шилов: он оказался председателем общества «Знание». Следующий звонок был из горкома комсомола. Там не смогли найти мою учетную карточку и хотели со мною встретиться. Добил меня Евгений Николаевич Поляков, который назначил на 17.00 педсовет. «Видно, для подведения итогов», – невесело думалось мне.

Мое состояние можно было назвать возбужденным. Нет, я не боялся, что выгонят из техникума. Чувствовал: происходит что-то очень важное, что может полностью перевернуть мою жизнь. И почему-то был уверен, что эти перемены обязательно пойдут мне на пользу.

Политика могла стать моей профессией – вот что волновало меня. Я узнал вкус успеха. Понял, что людям нужна правда, и моя задача заключается в том, чтобы донести ее. В душе зажегся огонь протеста, в голове начали роиться мысли о создании новой партии или движения. Мне хотелось прямо сейчас, подхватив транспаранты, бежать на улицы и собирать сторонников. Вот в таком приподнятом, боевом настроении я и шел на ковер к «самому».

Двухэтажное здание горкома партии с колоннами и лепным фасадом располагалось за городским парком. Уже внешние атрибуты должны были вызывать у посетителя уважение на грани трепета. Человека встречали огромные тяжелые дубовые двери, толстое стекло которых украшал витиеватый орнамент в виде символов государства – звезды с серпом и молотом.

В фойе я был остановлен крупным молодым человеком. Он специально поджидал меня и повел на второй этаж. Широкая мраморная лестница. Красные дорожки. Большая приемная. Высокие потолки. Тяжелые, собранные волнами белые шторы.

Попросили подождать. Минут через пять пригласили.

Я вошел. Передо мной был огромный прямоугольный кабинет и длинный стол для совещаний, окруженный стульями с высокими спинками. Вдали с торца перпендикулярно стоял еще один стол – массивный, тяжелый. Рабочее место первого секретаря комитета коммунистической партии города Волжска. Хозяйский стол был почти чист, лишь несколько бумажек лежали на зеленом сукне. Несмотря на темную полированную мебель, кабинет был светел. Под

самый потолок уходили огромные окна. Белоснежными волнами (как в приемной) спускались шторы. Воздуха в кабинете было много: одно окно оказалось открытым настежь. Параллельно столу во всю длину кабинета по дубовому паркету была постелена красная ковровая дорожка. На стене, прямо над хозяином кабинета, висел портрет Ленина. Ильич присутствовал и на столе, но уже в виде бюста. Томы вождя и других советских руководителей заполняли огромные стеллажи, прижатые к свободной стене. В углу на небольшом постаменте стояли кумачовые бархатные знамена. Кабинет производил впечатление.

За столом сидел маленький худенький черноволосый человек. Он дождался, пока я осмотрю кабинет, и как только встретил мой взгляд, сразу вскочил. Лично с Владиславом Максимовичем Зотиным мы знакомы не были.

Без пиджака, в белой рубашке с красным галстуком, он вылетел из-за стола и почти подбежал ко мне. Так же стремительно начал говорить. Он то подходил ко мне, то отходил. То засовывал руки в карманы брюк, то вынимал их и начинал жестикулировать. Было видно, что говорить он любит. От такого потока слов я растерялся.

Мне думалось, что хозяин кабинета пригласит меня для разговора за стол. Мы сядем и как цивилизованные люди станем дискутировать. Спорить, соглашаться с аргументами другого или не соглашаться. Одним словом, я ждал диалога, а получил стопроцентный монолог. Причем у самой двери.

Я честно пытался поймать хотя бы секундную паузу в его спиче, но тщетно. Прогуливаясь по ковровой дорожке, первое лицо городской парторганизации ни на мгновение не умолкало. Говорило, говорило и говорило.

Но все имеет предел. Начал уставать и Владислав Максимович. Мало что из его потока осталось у меня памяти. Наверное, он говорил то же, что обычно говорят партийные функционеры, защищая свою кормушку. О прелестях советского образа жизни. О революции. О великой войне и великой победе. О героях. И об отщепенцах, которые сдерживают мощную поступь советского народа к светлому будущему.

Как только хозяин кабинета устал и появилась возможность вставить слово, я начал этим пользоваться. Не оправдывался, а пытался спорить. Это распалило его еще больше, и он с ожесточением начинал все сначала.

Только он успокоится, я опять ему вопрос или реплику – он снова в крик. Так продолжалось до тех пор, пока Зотину не надоело.

– Как вы можете так говорить?! – возмутился он в конце концов. – Вы же преподаватель, педагог, воспитатель человеческих душ, коммунист!

– Извините, я не коммунист.

– Как не коммунист? – опешил он. – Как не коммунист? А кто же, черт возьми, допустил вас до идеологической работы с людьми?

Он сел за свой огромный стол и замолчал. Чуть косые глаза смотрели на меня с полным непониманием.

– И не комсомолец? – спросил он со слабой надеждой в голосе.

– Да, и не комсомолец.

Когда я вернулся в родной Волжск после работы на шахте имени Стаханова, то не встал на комсомольский учет. А пять лет назад был отчислен из рядов ВЛКСМ за неуплату членских взносов.

– Вот как, – задумчиво произнес первый секретарь, – это меняет дело.

– Я думаю, у партии особой перспективы нет, – как бы продолжая дискуссию, вставил я. – Рано или поздно коммунисты разбегутся, бросив партбилеты.

Он опять взорвался.

– Да таких подонков, как ты, мы уничтожим, – взвизгнул он. – Я был, есть и умру коммунистом. Вон, вы свободны.

В приемной меня ждали. Красная, как рак, дама из общества «Знание» потащила меня в библиотеку горкома, где уже заседал какой-то совет этого самого общества. Из присутствующих мне были знакомы, да и то заочно, лишь два человека – Владимир Андреевич Шилов, главный редактор «Волжской правды», и местный поэт, ярый атеист Геннадий Гаврилович Калинин. Меня попросили воспроизвести мою лекцию. Я довольно вяло изложил основные тезисы и быстренько свернул выступление. Мне было интересней послушать ответные речи великих местных идеологов.

Члены совета общества «Знание» говорили много, мою лекцию ругали долго. Председатель обозвал меня антисоветчиком и пообещал скорую моральную гибель. Мне стало скучно. Эти люди были намного старше меня и новые веяния в стране воспринимали по-своему, с высоты величия Октябрьской революции. Наш с ними разговор был спором глухого со слепым и не имел совершенно никакой перспективы.

Совет общества «Знание» единогласно принял решение исключить меня своих рядов. Я пытался было объяснить, что не состою в этом distinguished обществе, что заниматься просвещением трудовых коллективов меня командировал коллектив техникума, что лекции – всего лишь моя общественная нагрузка. Все тщетно: меня никто не слушал. Людям так было удобней. Отчитаться перед горкомом партии, умыть руки. Прозевали они меня! Просмотрели, не оценили моих возможностей.

В результате голосования из общества «Знание», наверное, впервые в истории был исключен лектор, который в общество «Знание» никогда не вступал.

Суверенитет

После исключения из общества «Знание» я с упоением окунулся в политику. Как учил нас великий вождь Владимир Ильич Ленин (так мною нелюбимый), для подготовки революции нужна своя партия. Партийное строительство я начал с поиска идейных сторонников.

Самое простое решение оказалось и самым удачным. Я дал объявление в газете «Волжская правда» о том, что в техникуме (аудитория № 44) будет проходить первое собрание неравнодушных граждан города. Какой будет реакция, честно говоря, не знал. В назначенное время собралось всего пять человек, но я им был несказанно рад. Люди пришли на разведку.

На второе собрание «неравнодушных» волжан в аудиторию № 44 пришло уже гораздо больше людей. Костяк группы составили активисты с Волжского электромеханического завода (ВЭМЗ) и филиала научно-исследовательского института бумаги (ВНИИБ) – Слава Назаров, Миша Мамонтов, Халида Кожанова, Сергей Храмцов, Валерий Афанасьев. Долго думали, как назвать наш новый коллектив, наконец определились: демократическая группа «Обновление». Собираться решили в моей аудитории. Один раз в неделю обязательный сбор и два-три раза – по желанию. Через несколько заседаний у нас уже была готова идейная платформа. Утвердили руководящий состав из пяти сопредседателей. Неформальным лидером группы стал Слава Назаров, регулировщик радиоаппаратуры ВЭМЗ, человек с высшим образованием.

Евгений Николаевич, директор техникума, был недоволен тем, что в его учреждении собираются партийные оппозиционеры. Но, слава богу, у него не хватило смелости прикрыть нашу лавочку. Сам он связываться с нами не хотел, а горком партии, видимо, уже не возражал против плюрализма мнений в отдельно взятом коллективе. После моего изгнания из общества «Знание» коммунисты про меня как бы забыли, а потому и Поляков проявлять инициативу не стал. «Горком партии ничего ему за антисоветчину не сделал, – думал, наверное, директор, – так зачем мне впрягаться в неприятности. Как бы чего не вышло».

Страна галопом неслась к крутым переменам. Горбачев решился на первые в истории современной России демократические выборы. На 4 марта 1990 года были назначены выборы Съезда народных депутатов. Зарегистрироваться кандидатом мог любой гражданин РСФСР. На выборы пошел лидер оппозиции Борис Ельцин.

Поначалу наша группа «Обновление» не стала выдвигать своего кандидата. Для успеха у нас не было ни опыта, ни денег. Мы долго дискутировали на эту тему и сошлись на том, что лучше помочь на выборах наиболее вероятному кандидату от демократических сил Марий Эл. Мы, группа «Обновление», решили не хватать звезд с неба и главным направлением борьбы избрать республиканскую и городскую власть.

Сложно ли было работать? Конечно. Административный ресурс КПСС был еще очень силен. Участники нашей группы оказались под давлением партийных структур, которые акцентировали свои усилия на лидерах. В какой-то момент мы даже решили вывести Славу Назарова из-под удара: теперь под документами группы «Обновление» стояли подписи всех пяти сопредседателей.

Правда, позже, поразмыслив, мы от этого шага отказались. Народ должен знать своих героев. В самый разгар кампании по выборам народных депутатов РСФСР мы все-таки решили зарегистрировать Славу Назарова кандидатом по Заводскому национально-территориальному избирательному округу № 114. Нам, начинающим политикам, как воздух был нужен опыт политической борьбы. А где еще его набираться, как ни на выборах? Не имея денег, выхода на СМИ, мы, конечно же, объективно не могли претендовать на победу, но у нас и цель была немного другой. Славу Назарова должна была узнать вся республика, после чего ему было бы намного легче баллотироваться в Волжске. Расчет был в этом. Наши приоритеты не изменились: во-первых, несколько мандатов в городском совете народных депутатов, во-вторых, одно

место в республиканском совете. Выборы в эти органы власти были назначены на тот же день, 4 марта 1990 года.

Как и следовало ожидать, российские выборы Слава проиграл. От Марий Эл мандат народного депутата РСФСР завоевал врач республиканской больницы Сергей Федорович Горбань.

Мы не расстроились. Во-первых, Горбань был идейным союзником, он состоял в неформальной организации «Демократическая платформа в КПСС». Во-вторых, хотя от нашей группы баллотировался Назаров, мы помогали и Горбаню. В-третьих, в Волжском избирательном округе большинство голосов набрал Слава. Это нас порадовало больше всего. Горожане поддержали нашего кандидата, а значит и демократическую группу «Обновление».

Результат дала наша тактика, которая тогда, в момент зарождения в стране традиций демократических выборов, была новым словом.

Коммунисты не хотели сдавать своих позиций: горком партии поставил задачу не пропустить в депутаты ни одного кандидата из оппозиции. Методы годились всякие. Вот один пример. Наша группа подала заявку на проведение в Волжске 25 февраля (за неделю до выборов) митинга, целью которого в документе была заявлена активизация предвыборной кампании. Среди вопросов, которые предполагалось поднять, был экологический. Власть проведение митинга разрешила. Но только не на улице, а в ДК Марбумкомбината. И не 25 февраля, а 11 марта (через неделю после выборов)! Мол, вам не все равно, когда про экологию митинговать.

Ответственными за сдерживание оппозиции партия назначила директоров промышленных предприятий. Если директора стали давить на своих работников сверху, то мы – снизу. Административному ресурсу КПСС можно было противопоставить только хождение в народ. И мы пошли по домам, по квартирам.

Агитация на дому – так называлась наша предвыборная технология. Мы решили: если нас не пускают агитировать на предприятия и в организации, то мы пойдем к избирателю домой. У нас были сформированы группы по три человека: так было удобно и безопасно. Мы ждали провокаций от партийных работников, но их не было и, как мы позже поняли, не могло быть. Руководящему работнику компартии встреча с рядовым гражданином ничего хорошего не сулила: народ коммунистов откровенно ненавидел. Хотя, справедливости ради, и демократов не жаловал. Любой звонок в квартиру мог закончиться или скандалом, или застольем. На кого нарвешься.

Я баллотировался в Верховный Совет МАССР и в Волжский городской Совет народных депутатов.

В округе, где избирался республиканский депутат, моими соперниками оказались четыре руководителя: главный редактор «Волжской правды» Александр Лукаев, главный инженер узла связи Владимир Калинин, директор быткомбината Владимир Бикеев и директор АТП Николай Сенченко. Самым сильным, конечно, был последний кандидат. В руках Николая Григорьевича Сенченко был сконцентрирован практически весь автотранспорт города: рейсовые автобусы, такси, грузовые автомобили. Разве такой ресурс мог дать сбой?

А что у нас? Студенты техникума, немногочисленная группа энтузиастов. Два месяца мы бродили по микрорайону в отчаянной надежде быть услышанными. Сколько всего пришлось вытерпеть! И пьяный мат, и лютых собак. Не говоря уже про недоумение и испуг: их мы встречали на каждом шагу. Нам казалось, что предвыборная гонка не кончится никогда.

И все же, хотя возможностями я своим конкурентам сильно уступал, мандат мог быть моим. Но набрать более половины голосов, как требовалось по условиям первого тура, у меня не получилось. Как зафиксировал протокол избиркома, за Свистунова было подано 43,7 процентов голосов. За Сенченко 19,8 процентов, за каждого из остальных – по 6–7 процентов. Требовался второй тур.

Посмотрев результаты, мы на собрании группы «Обновление» пришли к неутешительному выводу: мое большое преимущество обманчиво, во втором туре мне не победить. Вот эти 43 процента и есть наш демократический ресурс. Люди голосовали не столько за Свистунова (меня почти не знали: подумаешь, молодой преподаватель техникума), сколько за идеи перестройки.

Мы не ошиблись: во втором туре 18 марта 1990 года я получил почти тот же результат – 42,8 процента. К Николаю Сенченко отошли все голоса, поданные в первом туре за других представителей директорского корпуса: он набрал 49 процентов (остальные проголосовали против всех) и стал депутатом.

Нарождающееся демократическое движение не смогло убедить большинство населения в том, что, придя к власти, оно сможет изменить жизнь к лучшему. Во-первых, слишком разншерстная команда собралась под демократическими лозунгами. А во-вторых, кроме лозунгов народу надо дать кусок хлеба и перспективу. Что мог обещать преподаватель техникума? А директор АТП мог не только обещать, но и делать. Перед самыми выборами Сенченко встречался с избирателями на одной из улиц частного сектора. У тамошних жителей была проблема – сломанный водопровод. На следующий день силами работников АТП подача воды была восстановлена. За кого будут голосовать жители этой улицы? Ответ ясен.

А мы были отчаянными голодранцами, и народ нам не поверил. Наверное, из двух зол горожане выбирали меньшее. Они отдавали голоса проверенным людям, хозяйственникам, которые хоть как-то были способны помочь простому человеку выжить в беспокойное время.

Но мы не отчаивались. С поражением пришел опыт, сын ошибок трудных. И он дал результат совсем скоро.

Выборы в Волжский городской Совет народных депутатов, можно сказать, провалились. Из 140 депутатов, что предусматривались нормой закона, были избраны только 79. В остальных округах выборы были признаны несостоявшимися, там 22 апреля предстояло голосовать по новой. Это был мой шанс, и я его использовал.

Городской избирательный округ № 81, где я решил баллотироваться, находился в микрорайоне, построенном за счет гидролизно-дрожжевого завода (ВГДЗ). Соответственно и моим конкурентом был представитель этого предприятия – главный механик Севастьян Викторovich Смирнов. Борьба с ним было нетрудно. Из трубы завода валил вонючий красно-синий дым, от которого на глазах засыхали макушки сосен в парке по соседству. Группа «Обновление» не раз требовала закрыть завод, и население было на нашей стороне. В общем, набрав в округе наибольшее количество голосов, я стал депутатом Волжского городского Совета народных депутатов 21 созыва.

Партия коммунистов была еще сильна. Первый секретарь Марийского обкома Григорий Андреевич Посибеев сохранил за собой кресло Председателя Верховного Совета МАССР. Но совмещать две первых должности было непросто, особенно в то горячее время. В менее статусном по тогдашней иерархии органе Посибеев решил поручить дела доверенному человеку. На место первого зампреда Верховного Совета, который фактически и управлял депутатским корпусом, он поставил... Правильно, Владислава Максимовича Зотина.

Очередное разоблачение приписок оказалось как нельзя кстати. Посибеев и на этот раз замял уголовное дело. Ему нужен был преданный зам, который не будет рыпаться против хозяина и не подумает претендовать на роль первой скрипки.

В апреле 1990 года Зотин перебрался в столицу Марий Эл. Новому назначению Владислав Максимович был, конечно, очень рад. Можно сказать, сбылась его мечта. Да и Волжск он оставлял без сожаления. Позже в беседах один на один я не раз слышал, как зло и раздраженно говорил он о городе, в котором проработал первым лицом восемь лет. Эта нелюбовь была взаимной. В Волжске он так и не стал своим.

Время в стране наступило смутное, ситуация менялась быстро. Уже в августе 1990 года совмещение двух высших постов на местах стало законодательно невозможным. Горбачев предложил первым секретарям обкомов определиться и выбрать для себя одну должность.

Посибеев решил остаться первым секретарем. Видимо, в тот момент он не сомневался, что КПСС продолжит рулить страной. Кому оставить пост председателя Верховного Совета? Первому заместителю. Логичный и понятный шаг. Должно быть, Посибеев не сомневался в Зотине. И дело даже не в двух папочках, которые лежали в сейфе, а в том, что после очередного повышения Зотин становился обязанным ему по гроб жизни.

После разделения властей Председатель Верховного Совета МАССР фактически был вторым лицом в республике.

Процентов на девяносто Верховный Совет состоял из руководителей разного ранга, вскормленных и выдвинутых компартией. Потому решить вопрос в нужном ему ключе Григорию Андреевичу не составило никакого труда. Так исключительно благодаря Посибееву Зотин занял второй по значимости пост в Марий Эл.

Конечно, Посибеев даже представить не мог, что случится дальше. Это была его трагедия. А в августе 1991-го случился путч. Все перевернулось с ног на голову. После подписания Россией, Украиной и Белоруссией Беловежских соглашений государство по имени СССР прекратило свое существование. Указом президента России Ельцина КПСС была признана вне закона. По всей стране начались массовые закрытия обкомов и горкомов партии. Представители исполнительной власти совместно с работниками милиции изымали из партийных учреждений все документы. Имущество описывалось, помещения опечатывались. Партийной системы управления государством, существовавшей семь десятков лет, в один момент не стало.

В день путча Зотин был в прострации. К нему, не переставая, шли люди и пытались склонить его кто в одну, кто в другую сторону. Демократы требовали поддержать Ельцина, а ярые коммунисты ратовали за ГКЧП. В итоге Владислав Максимович вышел из этой щекотливой ситуации как настоящий дипломат. Он не стал принимать чью-либо сторону.

22 августа 1991 года в «Марийской правде» было опубликовано «Обращение к гражданам Марийской советской социалистической республики». Президиум Верховного Совета Марийской ССР призвал население, политические и общественные силы «сохранять спокойствие и правопорядок, строго соблюдать трудовую дисциплину, воздерживаться от несанкционированных митингов и демонстраций, все усилия направить на нормальное функционирование всех предприятий, учреждений и организаций, мобилизовать все силы и имеющиеся резервы на завершение уборки урожая». В заключении выражалась надежда, что принятые руководством страны меры будут осуществляться при строгом соблюдении Конституции и законов СССР. За кого Президиум Верховного Совета МССР, за красных или за белых, из этого документа было совершенно непонятно.

На следующий день после подавления путча глава Верховного Совета получил всю полноту власти в республике. Марийский обком опечатали, на Посибеева, который, естественно, ГКЧП поддерживал, завели уголовное дело. Хорошо хоть в итоге не посадили в тюрьму. Его протее пошел себя как настоящий партийный функционер. В драке за место под солнцем нет места жалости. Победитель получает все, побежденный с позором покидает властную поляну.

До приезда в Йошкар-Олу Посибеев работал в Ленинграде секретарем обкома КПСС. В те края он тихонько и отбыл, когда уголовное дело на него в 1992 году закрыли. Вернулся в свой родной город Кингисепп.

О нем быстро забыли. Времени на эмоции не было. В стране произошел переворот. Власть взяли демократы. Первым президентом России был избран Борис Николаевич Ельцин.

На Зотина навалилось много работы. Под его руководством Верховный Совет принял историческое решение – о государственном суверенитете Марий Эл и о выборах в декабре 1991 года первого президента республики.

Выборы

Пока Зотин пробивался на вершину республиканской власти, в городе Волжске многое менялось. Впрочем, как и во всей стране. КПСС теряла свое влияние, все больший вес обрела исполнительная власть. С председателем Волжского горисполкома мне вскоре пришлось познакомиться поближе.

На выборах 1990 года в городской совет народных депутатов наша группа «Обновления» одержала скромную победу. Из ста сорока депутатских мест мы отвоевали двадцать восемь. Казалось бы, у нашей молодой группы появилась определенная политическая перспектива. Двадцать восемь депутатов – хорошая сила. Мы легко могли организовать в Волжском городском совете свою фракцию, но этого не произошло. Объединение людей, разных по возрасту, социальному положению, образованию и устремлениям, оказалось нежизнеспособным. После выборов на демократических позициях в нашей группе остались немногие. Остальные быстро согласились сотрудничать с городской властью. Председателю исполкома в городском совете были нужны люди, которые будут поддерживать его решения, а не голосовать против.

Как показала жизнь, многие стали членами группы «Обновление» не ради того, чтобы менять в городе жизнь к лучшему и бороться за демократические идеалы. Они преследовали карьерные цели.

Последнее заседание нашей группы прошло по моей инициативе. Мы собрались во дворе одного из многоэтажных домов рядом с электромеханическим заводом. Вопрос в повестке дня был один: что дальше. Да, мы выиграли выборы, стали депутатами. Во время предвыборных баталий горожанам было много чего обещано. Пришла пора определиться, как мы сможем выполнить свои обещания. Город у нас небольшой, почти все знают друг друга с детства. Пообещал – надо выполнять. А чтобы реально влиять на городские дела, нужен доступ к рычагам, к бюджету. Я предложил побороться за руководящие посты в горсовете и горисполкоме, но поддержки не получил.

Дело в том, что главу города должны были избрать из числа депутатов Волжского городского совета. Кандидат был только один: прежний председатель горисполкома Виктор Иванович Гаврилов. Ему было около пятидесяти лет, из которых он десять проработал на этом посту.

Коллеги выглядели какими-то потерянными. Вновь избранные депутаты оробели и, честно говоря, делать ничего не хотели. После перехода большей части «обновленцев» под крыло действующей власти остальные члены нашей группы как-то растерялись. Я попросил каждого высказаться, дать оценку прошедшим выборам, охарактеризовать текущий момент и предложить план дальнейшей работы группы. Меня ждало глубокое разочарование. Перспективы политического развития не видел никто. Мои товарищи словно сговорились:

– Давайте подождем, посмотрим, как сложится ситуация в стране.

Осколки демократической группы «Обновление» сидели на скамейке перед подъездом пятиэтажки с таким видом, будто выборы были сокрушительно проиграны.

– Нам необходимо бороться за должность главы города, – настаивал я. – Мы столько наобещали горожанам, что без реальных дел на следующих выборах нас прокатят. Если мы будем бороться и проиграем, люди поймут. Да, сегодня нас немного и мы слишком неопытны, но даже маленькая группа единомышленников не даст администрации города рулить так, как при коммунистах.

– Вначале надо окрепнуть, – возразил мне Сергей Храмцов, – найти соратников. Сколько голосов получит наш кандидат на должность председателя горисполкома? Семь?

– Почему семь? – парировал я. – Смотря какую кандидатуру мы выставим. Какую программу возрождения города предложим.

«Обновленцы» грустно улыбались.

– Я не спорю, – настаивал я. – Наш кандидат проиграет, но тогда за каким хреном мы пошли в депутаты. За корочкой?

– Я согласен побороться за кресло главы, – тихо сказал Миша Мамонтов. – Неделя до выборов есть. Программу напишем. Создадим прецедент.

– Тогда давайте еще поборемся за должности председателей комиссий горсобрания, – добавил Слава Назаров. – Предлагаю свою кандидатуру на председателя комиссии по экологии. Думаю, депутаты нас поддержат. В городе назревает экологическая катастрофа: гидролизно-дрожжевой завод реально травит население. Под этими лозунгами я участвовал в российских выборах.

– А что делать с группой «Обновление»? – спросил я. – Надо принимать принципиальное решение. Будем создавать фракцию в городском совете или нет?

– А смысл? – сказал кто-то.

Так группа «Обновление» прекратила свое существование. Каждый стал сам за себя.

Выборы прошли по сценарию Гаврилова. Он предварительно побеседовал с каждым депутатом, в том числе и со мной. Я объяснил ему свою позицию. Сказал, что против него лично ничего не имею, но на выборах буду голосовать за своего кандидата. Буду очень рад, если на должность председателя комиссии по экологии Виктор Иванович поддержит Славу Назарова.

На первом заседании Волжского городского совета народных депутатов председателем горисполкома в очередной раз был переизбран Гаврилов. Славу Назарова без проблем избрали председателем комиссии по экологии.

Я уволился из целлюлозно-бумажного техникума – на радость Евгению Николаевичу Полякову. Вместе со старшим братом Александром мы создали свою фирму «САН» (Свистуновы Александр и Николай). Вскоре, в июле 1992-го, под тем же названием был зарегистрирован первый в республике частный банк.

А на политической арене кипели страсти. Выборы первого президента республики по праву считались событием историческим.

Зотин понимал шаткость своих позиций, но ему нельзя было отказать в ловкости ума. Для победы на выборах нужна была поддержка не только народа, но и директорского корпуса, авторитет которого в те времена был еще достаточно весом. И Зотину удалось одним махом завоевать расположение тех и других.

Дело в том, что во главе национального образования Москва видела человека титульной нации. Но доля марийцев в населении республики составляла процентов сорок. И Зотину, разумеется, для победы на выборах надо было заручиться поддержкой русского населения. Ради этого, а также в угоду директорскому корпусу (среди руководителей предприятий марийцев почти не было) по инициативе Зотина в закон о выборах президента внесли статью о вице-президенте. Кандидатура вице-президента была у всех на слуху. Это Виктор Александрович Галавтеев.

Галавтеев Виктор Александрович

Родился 12 июля 1936 года в поселке Юрино Марий Эл.

Скоростижно скончался 4 мая 1994 в городе Йошкар-Ола.

Партийно-государственный деятель. Из семьи рабочего, окончил ПЛТИ, 1960. Секретарь, второй секретарь ОК ВЛКСМ, 1960-65, второй секретарь Горномарийского, с 1965 первый секретарь Звениговского райкомов КПСС; с 1977 председатель Госплана, с 1981 параллельно зам. председателя Совета Министров, Председатель Высшего экономического Совета МАССР, с 1991 вице-президент РМЭ.

Научные труды по рациональному использованию и воспроизводству лесных ресурсов, региональному планированию.

Высококвалифицированный экономист, талантливый управленец, пользовался исключительным авторитетом.

Депутат Верховного Совета МАССР с 1971 по 1990, 1991-93 (пять созывов).

Ордена: Знак Почета, 1966, Трудового Красного Знамени, 1971, 1973. Почетная грамота ПВС МАССР, 1986.

С 1994 в Йошкар-Оле ежегодно проводится волейбольный турнир его памяти.

(«Марийская Биографическая Энциклопедия», 2007, с. 83)

После этого Зотин овладел предвыборной инициативой. Наиболее серьезных политиков и директоров устраивало такое положение дел, при котором Зотин занимался политическими вопросами, а Галавтеев – экономическими.

Нарождающаяся демократическая общественность не смогла договориться в своем кругу о едином кандидате в президенты. На высшую государственную должность выдвинулись, по большому счету, случайные люди.

Первым оппонентом кандидата власти стал Александр Сергеевич Казимов.

Казимов Александр Сергеевич

Родился 19 августа 1948 года в Йошкар-Оле.

Деятель науки, общественный деятель.

Окончил среднюю школу № 11, 1966, историко-филологический факультет МГПИ им. Крупской, 1970. Работал учителем Ивансолинской средней, директором Салтакъяльской восьмилетней школ. В 1973-74 служил в армии. Учитель школы № 8 Йошкар-Олы, младший научный сотрудник сектора истории МарНИИ, аспирант Института истории СССР АН СССР. После окончания аспирантуры, 1980, в МарНИИ: научный сотрудник, старший научный сотрудник. С 1997 по 2000 год специалист эксперт аппарата полномочного представителя президента РФ в Марий Эл. С 2000 директор МарНИИ.

Кандидат исторических наук, 1986. Опубликовал более 20 научных работ, один из авторов «Истории Марийской АССР», 1986, том 1.

В конце 1980-х стал заниматься политикой: вышел из рядов КПСС, принял активное участие в работе политклубов «Гражданская инициатива», «Демократическая платформа», Республиканской партии РФ и организации Марийского отделения движения «Демократическая Россия». В 1991 году кандидат на пост президента Марий Эл.

Депутат Государственного Собрания Марий Эл, 1993–1996.

Дочь.

Увлечения: водный туризм, рыбная ловля, чтение, шахматы.

(«Кто есть кто в Марий Эл», 2002, с. 242)

Внешне Казимов был чем-то похож на Зотина. Тоже мариец, такой же маленький и смугленький, только более упитанный. Седые волосы, стремительная походка. Прекрасный оратор. Сегодня я понимаю, что шансов стать первым президентом Марий Эл у него не было. Как позже выяснилось, он к победе и не стремился. Гораздо важнее для него было засветиться в публичном пространстве, а после выборов получить политические дивиденды и какую-нибудь хлебную должность. План его оправдался полностью. В 1993 году он стал депутатом марийского парламента, где возглавил немногочисленную оппозицию Зотину – опять же из корыстных целей. А в 2000 году Казимов перестал быть оппозиционером. Ему был предложен пост директора МарНИИ, заняв который, он перешел в разряд идеологической obsługi власти.

Еще одним кандидатом в президенты зарегистрировался директор небольшой обувной фабрики Анатолий Геннадьевич Попов, тоже мариец по национальности.

Попов Анатолий Геннадьевич

Родился 2 сентября 1948 года в Сернуре.

Государственный и общественный деятель.

Из многодетной семьи сельских учителей. Среднее образование получил в Юледурской школе Кузнецерского района, 1966. Окончил механический факультет МПИ им. Горького, 1971, Академию народного хозяйства при Правительстве РФ, 1994. В 1971–1972 служил на флоте. С декабря 1972 по 1979 трудился на строительстве КамАЗа и непосредственно на заводе: секретарь комитета ВЛКСМ управления, инженер, мастер, начальник участка, зампредела профкома, начальник цеха. В 1979–1981 заместитель начальника пассажирского автопредприятия г. Набережные Челны. С марта 1981 в Марийской АССР: заместитель генерального директора генеральной дирекции Минсельхоза по строительству в совхозах, начальник лаборатории по научной организации труда завода «Новатор». С 1988 по 1994 директор обувной фабрики, генеральный директор АО «Йошкар-олинская обувная фабрика».

В апреле 1993 избирался депутатом Верховного Совета Марий Эл. В 1993–1995 депутат Государственной Думы РФ, член комитета по бюджету, налогам, банкам и финансам. С апреля 1996 консультант, советник в администрации президента РФ. С января 1997 по 2000 полномочный представитель президента России в Марий Эл. В 1991 и 1995 участвовал в выборной кампании в качестве кандидата в президенты Марий Эл.

Член-корреспондент Международной академии информатизации, 1996.

Стажировался как экономист в ФРГ, 1993, США, 1994.

Почетная грамота Марий Эл, 1998.

Увлечения: художественная литература, природа, русские песни.

Жена, сын.

(«Кто есть кто в Марий Эл», 2002, с. 430)

Анатолий Геннадьевич тоже не ошибся. После благополучно проигранных выборов кандидат в президенты получил все сполна: вышеприведенные биографические данные говорят об этом достаточно убедительно.

В ту пору выборы проходили совсем не так, как в наше время. Еще не были освоены грязные технологии – все эти «карусели», вбросы бюллетеней, фальшивые избирательные участки. Но и тогда главным аргументом на выборах президента был административный ресурс.

Поддержка районов – огромная сила: в деревнях при отсутствии наблюдателей (откуда им в то время взяться) можно было по-советски добиться стопроцентной явки и не менее стопроцентного результата. В четырех городах республики главная надежда Зотина была связана с бюджетниками (учителя, врачи, милиционеры, работники администрации) и директорами промышленных предприятий.

Впервые к политике подключились и богатеющие коммерсанты. Главным денежным мешком Зотина был Николай Васильевич Тетерин – директор кооператива «Черный соболь», один из первых в Марий Эл предпринимателей (или кооператоров, как тогда говорили в народе). Родом он из города Санчурск, что в Кировской области. В советское время отсидел два года за спекуляцию, прошел суровую школу жизни, но быстро оправился от жизненных неурядиц и принялся строить капитализм с удвоенной силой. С приходом к власти Горбачева настало его время: деловые способности в одночасье оказались в большой цене. Энергичность

и железная хватка позволили Тетерину в короткие сроки стать одним из самых богатых людей республики.

В политике Николай Васильевич искал коммерческую выгоду. Он быстро смекнул, что если вложит деньги в кампанию Зотина, то после победы новоиспеченный президент его озолотит. Тетерин, не скупясь, оплатил предвыборные расходы фаворита, а его доверенные люди получили команду развезти по сельским районам водку и дешевые сигареты «Прима» (из-за чего после выборов Зотина стали звать табачным президентом).

Зотин уверенно победил и стал первым президентом Марий Эл. Все, кто поддерживал его морально, а особенно материально, тоже сорвали хороший куш. Тот же Тетерин, например, в ходе начавшейся приватизации за бесценок получил в Марий Эл огромную собственность в виде земель, магазинов, контрольных пакетов акций крупных йошкар-олинских предприятий.

В 1993 году на Россию свалилось новое несчастье – бунт Верховного Совета РСФСР под руководством Хасбулатова. За штурмом Белого дома последовали политические реформы. Ельцин решил разогнать депутатов мятежного Верховного Совета народных депутатов РСФСР. В новой редакции Конституции России, которая по настоянию президента была подготовлена в том же 1993 году, для такого органа места уже не нашлось. Было определено, что в день всенародного голосования по конституции заодно пройдут и выборы в первую Государственную думу и Совет Федерации. Согласно переходным положениям срок депутатских полномочий ограничивался двумя годами. Аналогичные процедуры с парламентами Ельцин рекомендовал провести и на местах.

Для голосования по конституции, а также для всех выборов, федеральных и региональных, был установлен единый день – 12 декабря 1993 года.

В Марий Эл Верховный Совет принял решение о самороспуске. Понятно, что без давления сверху в этом вопросе не обошлось. Депутаты из бывших коммунистов сопротивлялись такому решению, как могли, но силы были неравными.

Зотин патологически боялся Кремля. Указание Ельцина разогнать свои Верховные Советы выполнили не все регионы. Например, в Татарстане, где не стали реагировать на истерику центра, депутаты спокойно доработали до окончания срока полномочий. У нас же Зотин поддержал демократически настроенных депутатов, и те самораспустились.

Дело, как говорится, хозяйское. Мне такое решение было определено на руку.

В Марий Эл были объявлены выборы депутатов Государственного Собрания Марий Эл (по-марийски Кугыжаныш Погын) на двухлетний переходный период. В соответствии с вновь принятым порядком состав Госсобраний формировался по смешенному принципу: из 30 депутатов 22 избирались в одномандатных округах, а остальные места получали партии (коммунисты, аграрии, Республиканская партия, Партия зеленых «Кедр», национальное движение «Марий ушем» и т. д.).

Мне партии и объединения были не нужны. Я был сам по себе. Город Волжск составлял один территориальный округ. На этот раз я учел все ошибки 1990 года, когда республиканские выборы проиграл. Прошло время, я стал известным в Волжске предпринимателем. В 1992 году с братом Александром мы создали частный банк. На предвыборные обещания я не скупился, мои помощники ходили агитировать по дворам и квартирам не с пустыми руками: взрослым бесплатно раздавали пиво, а детям – мороженое.

В результате выборы были выиграны вчистую. Таким образом, в республиканском парламенте я стал единственным представителем Волжска и самым молодым депутатом: в то время мне было 36 лет. (Отдельно замечу, что в следующие десять лет, до самого ареста и заключения под стражу, в родном городе я выборов не проигрывал.)

Теперь, когда я стал депутатом республиканского парламента, моя встреча с президентом Марий Эл была неизбежна. Мне очень хотелось напомнить Зотину тот наш разговор в горкоме партии, когда он клялся задавить таких, как я, а сам обещал умереть коммунистом.

По моим сведениям, Владислав Максимович давным-давно выбросил партийный билет и на учете в местном отделении КПРФ не состоял.

Серый дом, как в народе принято называть место работы марийского правительства, был построен в центре Йошкар-Ола по типовому проекту. Отделанное серой гранитной крошкой шестиэтажное здание чемоданом высилось по проспекту Ленина. Став депутатом, я впервые в жизни получил возможность попасть в правительственное учреждение такого ранга. Вот они, выстеленные ковром коридоры власти.

На первом этаже находились представительства российских органов власти – президента и МИДа.

Весь второй этаж занимало Государственное Собрание Республики Марий Эл. Здесь же, на втором этаже, существовал проход в отдельно стоящее здание, где размещались зал для заседаний Госсовета и столовая. Над депутатским обеденным залом, как бы на третьем этаже, были оборудованы две комнаты для руководства республики со своей небольшой кухней. Надо отдать должное Владиславу Максимовичу: из президентов только он обедал и ужинал в этой небольшой столовой. Следующие руководители республики уже обособились в своих покоях: там была оборудована персональная кухня.

Третий этаж Серого дома занимало правительство республики. Здесь были расположены структуры вице-президента, первого заместителя Главы правительства. Как уже сказано, Зотин сосредоточился на политических вопросах, а нити управления промышленностью и сельским хозяйством взял в свои руки вице-президент Галавтеев.

Помещения на этажах: кабинеты, небольшие залы, приемные – были расположены примерно одинаково. В центре здания для высшего руководства предусмотрен специальный лифт. Высокие чиновники могут спокойно подниматься друг к другу в гости, не выходя в коридор и не привлекая чьего-либо внимания.

Четвертый этаж дома правительства занимали службы руководителя администрации президента.

Пятый этаж занимал сам президент, причем одна сторона была полностью отведена под кабинет с приемной, двумя залами заседаний, комнатой отдыха, кухней и столовой. Президент имел и свой запасной выход из здания, отдельный от всех.

Шестой этаж занимало министерство экономики.

В Сером доме я столкнулся с множеством новых для меня лиц. В Йошкар-Оле я бывал нечасто, соответственно и знакомых у меня здесь было немного. В глазах столицы республики Волжск считался провинцией.

Первое собрание вновь избранных депутатов Государственного Собрания было организационным. Следовало выбрать председателя, двух его замов и руководителей депутатских комиссий. Событие не было лишено интриги. На место председателя претендовали двое: глава прежнего Верховного Совета Юрий Александрович Минаков и молодой парень, мой ровесник Анатолий Анатольевич Смирнов.

Минаков Юрий Александрович

Родился 26 мая 1946 года в станции Каневская Краснодарского края.

Государственный и общественный деятель.

Из семьи учителей. Окончил школу № 1 станции Каневская Краснодарского края, 1963, Краснодарский политехнический институт, 1968, заочную аспирантуру МИСИ им. Куйбышева, 1989. После окончания вуза работал в Главмарийстрое Минстроя СССР: мастер, прораб, старший прораб, главный инженер СМУ, главный инженер, управляющий трестом, главный инженер Главка. С 1987 председатель Йошкар-олинского горисполкома. С 1991 по 1994 председатель Верховного Совета Марийской Республики. После окончания срока полномочий первый вице-президент

– технический директор АО «Маригражданстрой», с 1994 председатель ассоциации марийских строителей. В октябре 2000 избран председателем Государственного Собрания Марий Эл.

Доктор технических наук, 2000. Специалист в области системного управления. Автор 10 книг, 5 изобретений, 178 научных трудов (монографий, статей). С марта 1995 профессор кафедры «Строительные материалы и технология строительства» МарГТУ. Член Совета Российского Союза строителей, 1995–2000. Член республиканского Совета по научно-технической политике и экономического Совета при правительстве Марий Эл, 1996–2000. Председатель Марийского НТО строителей, с 1995. Почетный академик Российской Академии наук. Член-корреспондент Российской медико-технической академии. Академик Международной академии инвестиций и экономики строительства. Академик Российской инженерной академии.

Депутат Верховного Совета МАССР, 1990–1993. Депутат Государственного Собрания Марий Эл, 1993–1996, 1996–2000 и с 2000. Член Президиума Верховного Совета и Госсобрании республики с 1990. Депутат Йошкар-олинского городского Собрания, 1979–1993 и с 2000.

Заслуженный строитель МАССР, 1985. Заслуженный строитель России, 1996. Лауреат Государственной премии МАССР, 1986. Почетный гражданин Йошкар-Олы, 1994. Награжден орденом «Знак почета», 1977, серебряной медалью ВДНХ, 1983, медалью «За доблестный труд».

Жена, дочь, внук.

Увлечение: философия и история.

Кредо: «Уважение к человеку как к Личности».

(«Кто есть кто в Марий Эл», 2002, с. 353)

Подготовку и проведение первого заседания Госсобрании закон поручал аппарату прежнего парламента, Верховного Совета, во главе с его председателем. Такая ситуация была, конечно, на руку Минакову. Его надежда сохранить председательское место вполне могла бы граничить с уверенностью, если бы не одно маленькое «но».

Его фигура очень неоднозначно воспринималась многими депутатами предыдущего созыва. Наряду с Зотиным и Ивенским (о последнем чуть ниже) Минаков особенно поспособствовал разгону Верховного Совета.

Резоны Зотины были понятны.

Во-первых, он исполнял указ Ельцина, нового государя всея Руси. Терять его симпатии было никак нельзя, ибо без дотаций Москвы власть Зотина в республике – пустой звук.

Во-вторых, Верховный Совет был слишком многочисленным. Управлять полутора сотней депутатов было трудно и дорого. Страна упивалась демократией, и проводить нужные правительству законы становилось все трудней: при каждом голосовании приходилось идти на какие-то финансовые уступки депутатам. Количественный состав Государственного собрания стал меньше в пять раз: здесь закон предусматривал всего тридцать депутатов.

Зотин был опытным аппаратным интриганом. Он уговорил Минакова разогнать Верховный Совет, то есть фактически предать депутатский корпус и перейти на сторону исполнительной власти. В знак благодарности Зотин обещал Минакову сохранить председательскую должность в новом парламенте, а в дополнение к этому, как шептались злые языки, помог приобрести новую черную «Волгу», офис в центре города и т. д. и т. п.

Однако на самом деле вопрос о председателе нового парламента для Зотина был открыт. В демократической России начали укрепляться национальные движения, и на этой волне вполне органично на посту главы Госсобрании смотрелся бы представитель народа мари.

К тому же Минакова имел один минус. Он был опытным чиновником: до Верховного Совета несколько лет возглавлял Йошкар-Олинский горисполком, – а потому имел свое собственное мнение и не всегда безропотно подчинялся президенту. Зотину во главе парламента нужен был более послушный человек.

Внешне оказывая поддержку Минакову, на самом деле Зотин готовил на место председателя Госсобрания другую фигуру – Анатолия Анатольевича Смирнова.

Смирнов Анатолий Анатольевич

Родился 26 мая 1956 года в Медведевском районе.

Деятель науки и образования.

Отец – рабочий, мать – колхозница. Окончил Руэмскую среднюю школу, 1973, сельскохозяйственный факультет МарГУ, 1984. Трудовую деятельность начал рабочим войсковой части в п. Краснооктябрьский. В 1974-76 служил в погранвойсках. Работал токарем на Краснооктябрьском заводе металлоизделий. С 1977 на комсомольской работе: секретарь комитета ВЛКСМ Йошкар-олинского совхоза-техникума, второй, первый секретарь Орианского райкома ВЛКСМ, секретарь, с 1984 второй секретарь Марийского обкома ВЛКСМ. С 1986 на партийной работе: секретарь парткома Государственного агропромышленного комитета МАССР, второй, первый секретарь Медведевского райкома КПСС. В 1991–1992 помощник председателя коммерческого банка «Аяр». С 1992 первый заместитель председателя Фонда имущества РМЭ. С января 1994 по октябрь 1996 председатель Государственного Собрания Марий Эл. С 1996 доцент кафедры организации и управления в АПК МарГУ, с 2000 докторант, с января 2002 заведующий кафедрой.

Кандидат экономических наук, 1995. Закончил аспирантуру при Казанском финансово-экономическом институте.

Депутат Государственного Собрания Марий Эл, 1994–1996. В 1999 член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, работал в комиссии по экономическому развитию РФ.

Один из учредителей общественно-политического движения «Выбор», 2000.

Жена, два сына.

Увлечения: книги, охота, рыбалка, сад, огород, строительство, кулинария, живопись.

Девиз: «Сказано – сделано».

(«Кто есть кто в Марий Эл», 2002, с. 481)

Несмотря на молодость, Смирнов имел немалую поддержку среди депутатов. Во-первых, среди марийцев. Во-вторых, среди противников Минакова. Позже знающие люди говорили мне, что именно позиция повторно избранных депутатов (а в составе Госсобрания они составляли примерно половину) привела к тому, что предавшего Верховный Совет Минакова председателем не избрали.

К тому же кандидатуру Смирнова усиленно продвигал один из заместителей министра сельского хозяйства, который получил мандат депутата от Аграрной партии. Понятно, что без указания президента замминистра и пальцем бы не пошевелил. Это был Даиль Габдуллович Шагиахметов, которому вскоре предстояло стать заметной фигурой на республиканской общественно-политической сцене.

Для меня все тонкости взаимоотношений правящей верхушки были в тот момент темным лесом. Ни о каких раскладах я и думать не думал – просто упивался моментом. Я стал

депутатом! Жизнь удалась! Я был на седьмом небе от счастья. Несколько дней после оглашения результатов я уговаривал себя протрезветь от большой победы.

Вечером накануне первого заседания Государственного Собрания в моем кабинете зазвонил телефон. На линии был директор нефтепроводного управления Виталий Семенович Антипенко.

– Свистунов Николай Юрьевич? – услышал я в трубке.

– Да, это я.

– Звонит тебе твой коллега, депутат. Так сказать, новоиспеченный, как и ты. Звать меня Виталий Семенович, депутат от Юринского района. Понимаешь, Николай, какое дело: ты у нас ничей. В смысле, человек, никому не известный, ни к какой группировке не принадлежащий.

Я молча слушал.

– Есть для тебя разница, кто будет председателем Государственного Собрания – Минаков или Смирнов?

– Да нет мне никакой разницы. Я обоих не знаю, – немного подумав, ответил я.

– Ну вот, видишь. Ты директор банка, а у нас все руководители за Минакова. Это наш старый проверенный кадр. Ты как?

– Да мне все равно, Минаков так Минаков.

Я хотел было еще немного поговорить со своим коллегой, но он быстро свернул разговор.

– Ну, вот и хорошо, я ставлю галочку. Всего. Увидимся на сессии.

На первое заседание Государственного Собрания я специально приехал пораньше, но, как оказалось, почти опоздал. Все коридоры были полны народу. Люди со значками депутатов и без бродили из кабинета в кабинет, громко разговаривали, обнимались, а то вдруг замолкали и отходили в сторону пошептаться.

Мне как банковскому работнику и человеку от бизнеса, конечно, хотелось попасть в комиссию по бюджету, банкам, налогам, платежам. Моя старая знакомая Лидия Ивановна Кнутова, директор Волжского городского торгового центра и в прошлом депутат Верховного Совета, пробовала помочь мне. Она привезла меня знакомиться с работниками аппарата Госсобрании, но, честно говоря, я мало верил в ее обещание сделать меня председателем комиссии. «Хоть бы туда попасть», – думалось мне.

На втором этаже я столкнулся с Юрием Александровичем Минаковым. Бывший председатель Верховного Совета выглядел солидно. Толстый, важный, с пухлой папкой в руках, он медленно шел по коридору в окружении свиты и кивал по сторонам. Со мною он знаком не был и в лицо меня не знал. Движение бывшего председателя по коридору остановил его помощник. Человек сбоку представил меня.

– Юрий Александрович, – показал в мою сторону он, – это и есть Николай Юрьевич Свистунов. Наш волжский депутат.

– А, слышал, слышал.

Минаков внимательно посмотрел на меня и вальяжно сказал:

– Я думаю, с вами провели переговоры по голосованию.

– Да, – ответил я, – провели.

– Ну и хорошо. В рабочем порядке посмотрим, чем помочь Волжску.

Он развернулся и пошел в зал заседаний.

Я был разочарован, меня задел его снисходительно-покровительственный тон. «Ишь, какой ферзь», – чертыхнулся про себя и пошел в зал заседаний.

Но до зала не добрался. Меня перехватил какой-то энергичный парень:

– Ты Свистунов?

Я кивнул.

– Отойдем в сторонку, я тебя представлю Анатолию.

Он взял меня за руку и отвел в тихое место. У окна спиной к нам стоял человек. Это был второй претендент на пост председателя. Смирнов Анатолий Анатольевич. Мне он сразу понравился. Худой, подвижный. Галстук цветной, волосы торчком. Поздоровался за руку, запросто начал говорить, словно мы с ним знакомы с детства:

– Николай, мы с тобой с одного года. Оба молодые. Ты поможешь мне, я помогу тебе. Ты здесь впервые, я всех знаю. Не хватает одного голоса. Ты ничейный. Голосуй за меня, не пожалеешь.

Коротко и ясно.

Он хлопнул мне по руке, улыбнулся и пошел в зал заседаний размашистой походкой.

Честно говоря, я немного ошалел от того, сколь плотно оказались наполнены интригами первые часы моего депутатства. Мне надо привести в порядок мысли. В фойе первого этажа я увидел стойку буфета. Спокойно, насколько это было возможно, выпил чашку чая и только после этого пошел в зал заседаний. Вокруг мелькали незнакомые лица. Кто-то со мной здоровался, кто-то жал руку и что-то говорил...

Мне вдруг так надоела вся эта суэта, что я начал уже мечтать о том, чтобы добраться до своего депутатского кресла и наконец отдохнуть. Но мечта не сбылась.

От лифта в окружении охраны и Минакова прямо в мою сторону бодро шагал Президент Республики Марий Эл Владислав Максимович Зотин. Я посторонился, пропуская уважаемых людей, но президент остановился передо мной. Минаков быстро сориентировался и решил меня представить. Как же изменился его голос! Чудеса. Какие-то минуты назад он разговаривал со мной как барин. А сейчас его интонациям позавидовал бы халдей со стажем.

– Это наш новый депутат, самый молодой из всех.

– Да что ты мне рассказываешь! – Зотин протянул мне руку. – Что, я Колю не знаю?

Ну вот, наконец-то я встретил этого человека. На языке у меня крутилась масса ехидных замечаний, но он не дал мне сказать ни слова. Видимо, по моим глазам Зотин все понял. Воспоминания о том нашем разговоре в его кабинете первого секретаря горкома в планы Владислава Максимовича явно не вписывались.

– Да, Николай, сегодня важно служить народу, а не партиям. Моя партия – республика, и я служу ей. В компартии членство приостановил, – коротко ответил он на все мои незадаанные вопросы и двинулся дальше, оставив меня посреди коридора в легком замешательстве.

Вот это да, удивился я, клятвы партийной верности закончились? Конечно, я знал, что когда Зотина избирали в президенты, он публично сдал партийный билет. Высокому чиновнику в ельцинской России было опасно состоять в рядах КПСС. Подавляющее большинство руководящих работников спрятали свои партбилеты в сейфы, а чуть позже дружно вступили в партию «Наш дом – Россия».

Приспособленцы и карьеристы побежали из компартии, как крысы с тонущего корабля. Остались только те, кто был коммунистом по убеждению, а не для карьеры и льгот, – пенсионеры да рабочие. В отличие от чиновников, народ от компартии не отказался. На выборах марийская парторганизация набрала достаточно голосов, чтобы получить место в парламенте. Председателем обкома коммунистической партии был избран Евгений Иванович Жиров, простой рабочий завода. Он и стал депутатом Государственного собрания.

Случайная встреча в коридоре окончательно определила мой выбор. Я решил голосовать за Смирнова. Если бы Минаков не смотрел на президента так заискивающе, если бы его голос и поведение не изменились так круто, возможно, я продолжал бы сомневаться. Не исключая, что отдал бы ему в итоге свой голос. Но увидев картину чиновничьего перерождения, я понял, что Минаков будет служить не депутатам, а лично Зотину. Как когда-то тот сам служил Посибееву.

Все сомнения исчезли. С твердой уверенностью в своей правоте я прошел в зал заседаний. Нашел свое место и с удовольствием плюхнулся наконец в депутатское кресло.

Выбор председателя Государственного собрания был предопределен моим голосом. Хочу быть понятым правильно. Я не приписываю себе никаких заслуг. Просто так сложились обстоятельства. Из тридцати депутатов за Минакова однозначно голосовали четырнадцать. Чтобы уравнивать шансы, ему жизненно необходим был еще один голос – видимо, как раз мой, как говорил по телефону Антипенко, ничей. Но этого голоса Минакову не досталось.

Голосование было тайным. Урны выставили в холле. Получив бюллетень, я зашел за ширму и проголосовал за Смирнова. Через полчаса огласили итоги голосования – 16:14 в его пользу. Анатолий Анатольевич Смирнов по прозвищу АН-2 стал первым председателем Государственного собрания Республики Марий Эл.

Меня избрали в комиссию по бюджету, налогам и платежам. Председателем комиссии я не стал: большинство голосов получил директор птицефабрики «Марийская» Анатолий Александрович Пушкарев. Зато я стал его заместителем. Для самого молодого депутата Государственного собрания первого созыва это было совсем неплохо.

Бог любит троицу

Советская экономика издыхала. В казну перестали поступать налоги. Цена на нефть упала до десяти долларов за баррель. Социалистическая промышленность оказалась не готова к рынку. Старые кадры, красные директора, не умели или не хотели учиться работать в новых экономических условиях. Они изо всех сил цеплялись за свои кресла, которые давали небывалые возможности не зарабатывать, а воровать.

В Марий Эл, полностью зависимой от дотаций центра, образовалась огромная задолженность по зарплате учителям и врачам. Чуть позже долги стали копиться и у пенсионеров. Трансферты из федерального бюджета постоянно задерживались. Зотин с ситуацией откровенно не справлялся. Возможно, в другом экономическом и политическом положении он и выжил бы, но только не в критические ельцинские времена.

В республике один за другим разразились несколько финансовых скандалов. То пропали деньги, выделенные на рыбный совхоз «Нолька»: прихватив десять миллионов рублей, директор сбежал за границу. То на средства бюджета создавалась инвестиционная компания, которая в течение года исчезала. То за бесценок продавались ведущие предприятия республики, которые по какому-то совпадению концентрировались у близких к власти бизнесменов.

В соседнем Татарстане за короткое время организовалась уголовная братва. Марийские бандиты тоже не хотели оставаться в стороне от дележа предприятий и бюджета. Буквально на глазах происходило неслыханное сращивание криминала, политиков и директорского корпуса. Буйным цветом зацвела коррупция.

У власти не было ни желания, ни умения противостоять кризисной ситуации. От своего бессилия президент все чаще кивал на Москву и нудно рассказывал о том, как трудно пробыть в Кремле дотации и трансферты.

В Госсобрании крепла оппозиция Зотину. Отношения с парламентом у президента не ладились. Ему не хватило силы, чтобы сломить, и ума, чтобы прикормить наиболее влиятельных депутатов. Каждый новый закон, каждую поправку правительству приходилось пробивать на сессиях с боем. Депутаты клеймили президента позором, а он бесился, вскакивал со своего кресла и убегал из зала заседаний.

К слабостям власти быстро привыкают.

Я был самым молодым депутатом, но не самым робким. По ходу первых же заседаний сформировалась группа из шести человек, которая не давала залу скучать. У каждого из нас было свое мнение по любому вопросу. Зотину от меня доставалось: практически на каждом заседании Госсобрания я выступал против его глупых, а иногда и преступных идей. Несколько раз в ответ мне тоже доводилось слышать не очень лестные реплики президента. Мне говорили, что Зотин собирает обо мне какие-то сведения, мнения. Для чего, я особо не интересовался.

Тем временем в Волжске опять закрутилась интрига с выборами мэра. В 1993 году на местном уровне тоже были избраны новые законодательные органы: вместо Совета народных депутатов у нас появилось городское собрание. Как и в республике, численный состав его значительно сократился: со ста сорока человек до двенадцати. Мне удалось попасть в этот узкий круг. Вновь избранным городским депутатам предстояло избрать мэра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.